Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

Американский сенатор Г. Джексон, которого печать США аттестует как любимца военно-промышленного комплекса, Пекина и сионистов, выступает против разрядки международной напряженности.

Джексон
Холодная война

ТРИ ДИРИЖЕРА ОДНОГО СОЛИСТА

Рисунок М. АБРАМОВА

КРОКОДИЛ

№ 21 • ИЮЛЬ 1974

Распределение выпускников

Не вздумайте посылать меня далеко: самолет я не переношу, поезда боюсь с детства. Хорошо себя чувствую только в городском транспорте.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Есть вещи вроде бы не совсем обязательные. И жить без них можно, и работать довольно производительно. Но все же если их нет, то становится в жизни как-то неуютно.

К числу таких предметов не самой первой необходимости относится в определенной мере школьная печать. Тут имеется в виду, понятно, резиновый кружок с рельефным названием учреждения, а не стенные газеты. Без этого резинового кружка можно воспитывать учащихся в духе благородства и нравственности, можно повышать

В. НАДЕИН

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРВАЛ

эффективность педагогического процесса и готовить победителей республиканских олимпиад.

А что у школы нет печати, об этом никто и не догадается. До определенного момента. Пока, к примеру, не настанет необходимость, взрастив отличника, засвидетельствовать, что вы взрастили именно отличника.

Вот тут-то без печати дело не пойдет. Не поверят. И правильно сделают, поскольку закон есть закон.

И вот к концу учебного года стало разительно очевидным, что без печати больше жить нельзя, а промедление халатности подобно. И тогда Григорий Дмитриевич Ковальчук, директор Лесновской средней школы, что в Сакском районе Крыма, обратился с прочувствованным прошением в симферопольскую типографию «Таврия», чтобы там ускорили изготовление печати и штампа.

На то была веская причина: Лесновская школа была организована совсем недавно, никаких печатей, штампов, треугольников и прочих учрежденческих атрибутов у нее еще не имелось, а десятиклассники уже оперились, взматерели и готовы были навсегда выпорхнуть из родимого гнезда.

— Ускорим,— пообещали в типографии.— Но вы учтите, у нас порядок строгий: без предъявления паспорта, доверенности и счета-заказа печать не выдается.

— Вы уж ускорьте, а мы люди сознательные, порядок не нарушим!

И вот настал долгожданный день, когда школа-первогодница должна была стать полноправной ячеей сети нарпросвета. Получив доверенность в Сакском районо, Григорий Дмитриевич прибыл в Симферополь, чтобы лично получить печати.

— Так-так...— настороженно сказали директору.— Доверенность у вас ничего, подходящая доверенность. А где счет-заказ?

— Да вот же!

— Угу... Так-так... Счет-заказ у вас ничего, подходящий счет-заказ. А паспорт?

— Вот и паспорт.

— Это не паспорт!

— Как это не паспорт?! А что же это, по-вашему, если не паспорт? Вот фамилия. Вот имя-отчество. Пол, пожалуйста, мужской... Опять же семейное положение...

— Вы, гражданин, нам мозги не закручивайте. Агент ноль-ноль семь тоже может быть мужского пола, это у них сплошь и рядом. Что ж мы, по-вашему, агенту ноль-ноль семь тоже будем штампы с печатями выдавать, да? Где отметка в паспорте о месте вашей работы?

— Какая отметка?

— Обыкновенная. Поезжайте в свое учреждение, возьмите штамп...

— Я не могу взять штамп.

— Это еще почему?

— Потому что пока вы его держите в своих руках.

Ситуация действительно создалась пикантная. Требовалось, если прибегать к сравнению, открыть чемодан ключом, который лежал в запертом чемодане. Получить яйцо от курицы, которая сама еще находилась внутри яйца. Доехать до гаража на машине, которая стоит в гараже.

— Так-так...— задумчиво сказали изготовители штампа.— И этими хохмами вы хотите приглушить нашу бдительность?

— Но поймите, не могу же я...

— Это еще как сказать! Вот, рассказывают, недавно один такой же смог. Подделал штамп кинотеатра и целый месяц на дармовщинку «Ивана Васильевича» смотрел, ворюга. А что, если и вы тоже, а?

— А если я не «тоже»? Если я воистину директор школы, а не мелкий мошенник? Что тогда, а?

— А это уж ваше личное дело.

Убедительно прошу читателей отвлечься от нелепых деталей ситуации, в которой оказался ни в чем не повинный Г. Д. Ковальчук. Они лишь оттеняют странную манеру иных должностных граждан нормальную точность в соблюдении инструкций подменять оскорбительной подозрительностью. При этом высказываются самые дикие предположения, самые нелепые догадки, являющие собою венец канцелярско-бюрократического воображения.

И смотрите, какими цветочками красен сей венец!

Из года в год коллектив Раздельнянского Межколхозстроя (Одесская область) получал и организованно распределял между своими рабочими огородные участки. Делалось это по договоренности с Раздельнянским лесничеством, причем сотрудники Межколхозстроя брали на себя обязательства ухаживать за деревьями в лесополосах, среди которых огороды и располагались.

Отлично: и члены профсоюза сыты, и деревья целы.

Но вот в начале лета, когда огородные участки были распределены и засажены, из Раздельнянского райисполкома донесся неожиданный приказ: посадку прекратить, огороды перепахать. А прибывший вскоре мощный трактор с острыми лемехами подтвердил полную реальность сюрприза.

Председатель Раздельнянского райисполкома Б. С. Приходько, явившийся инициатором грозного указания, не поленился самолично объяснить сконфуженному коллективу мотивы своих действий. Оказывается, по соседству с выделенными рабочим Межколхозстроя участками звеньевой колхоза имени Щербакова идет на рекорд. Звено приступает к выращиванию высочайшего урожая в 100 центнеров зерна кукурузы с гектара.

Конечно, честь и хвала доблестному кукурузоводу, взявшемуся прославить Раздельнянский район. Но — вот загвоздка! — звеньевой отказывается и от чести и от хвалы, если по соседству расположатся огороды. Он полагает, что огородники непременно позарятся на початки молодой кукурузы, чем, естественно, окажут вредное влияние на конечные показатели урожайности.

— Но мы уже не раз соседствовали с плантациями ценных овощных, крупяных и технических культур,— заметили межколхозстроевцы.— И ни разу никто нас не упрекнул в хищениях и потравах.

— Так то раньше! — отрезал председатель.— Раньше рядом с вами не произрастали рекорды. Так что придется вам переместиться в другое место, от греха подальше.

Легко сказать — переместиться. Это ведь даже не переехать на другую квартиру: картошка не табуретка, по своему хотению ее не всегда пересадишь. А совет председателя получить компенсацию за семена был бы приемлем только в том случае, если бы в его власти было еще раз прокрутить весну или, на худой конец, самое начало лета.

Увы, наша планета пока вращается без согласования с тов. Приходько, и требование повторить весну оказалось бы даже для него непосильным заданием. В результате убытки рабочих Межколхозстроя соответственно стали необратимыми, как цветение сирени.

Но опять же не о том, товарищи, ведем мы речь. Об уважении к человеческому достоинству, а не о картошке повествуется в нашем фельетоне.

Можно заглянуть в толковые словари и выписать оттуда безупречное определение репутации. Можно, но зачем? «Береги честь смолоду!» — провозгласила пословица, подразумевая, что ты хранишь свою честь, а честь, которую ты заслужишь, будет тебе защитою от хулы и навета.

Не только зыбкая эмоциональная сфера — и трезвая наука ратует за бережное отношение к репутации. Даже сугубо бесстрастная математическая статистика не может жить без доверия. Честное слово! Ну, понятно, не слепого доверия, не полной беспечности, а в разумных пределах, которые так и называются — доверительный интервал. В пределах этого интервала не стоит вновь и вновь пересчитывать каждую цифру. А иначе бессмысленная суета.

Так то ж цифра! А люди?

А люди даже там, где должно безраздельно властвовать доверие, бегают, суетятся. Суетится цех, бегает заводоуправление одного из предприятий Феодосии.

— Где Коломейцев? Кто видел Коломейцева? А-а!.. Вот вы где, товарищ Коломейцев! Что ж это вы, памятный подарок получили, а как расписываться, так в кусты?

И долго еще втолковывается ничего попервоначалу не понимающему Коломейцеву, что ему следует написать заявление на получение подарка и отдельно расписаться за него. То есть не за сам подарок, а за деньги, на которые куплен подарок, причем рубли следует писать прописью, а копейки можно цифрами. А если дернется от возмущения у передового слесаря Коломейцева рука, то изволь переписать набело, потому что помарки-подчистки не принимаются и бухгалтерия будет считать подарок неврученным.

— Да как же неврученным, если весь завод видел, как вручали! — возмущается Коломейцев.— И зачем заявление на подарок? Что я, попрошайка?

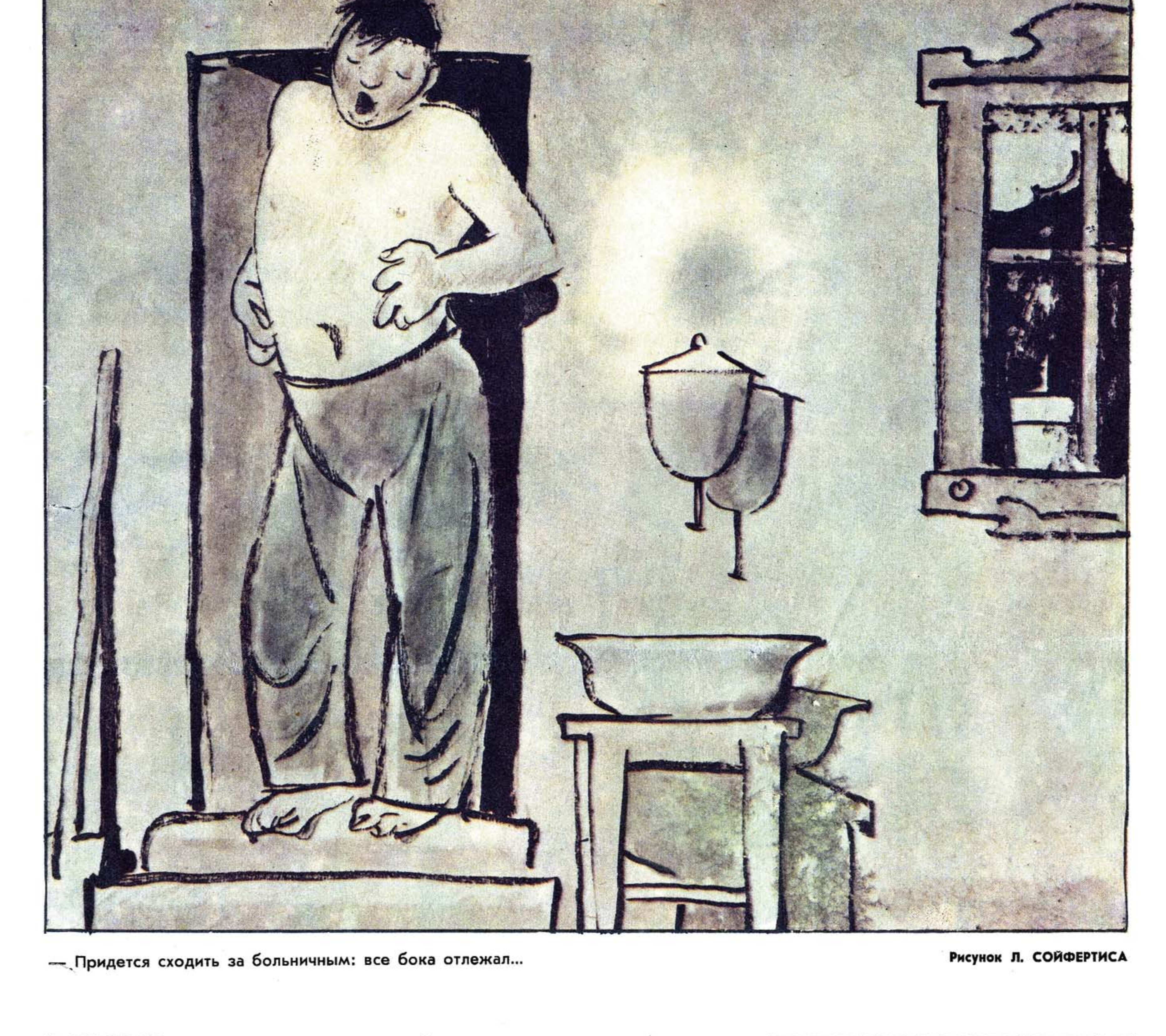
— Мало ли что! — объясняют вручающие.— А может, мы окажемся мелкими расхитителями?

— А может, вы все же не окажетесь? Может, я с вами два десятка лет в одном цехе работаю? Может, ваши дела и общественная работа, ваша честь и честь вашей фамилии вам самому дороже средневолнового транзистора, каких повсюду бери — не хочу? Что тогда, а?

— Так-то оно так, да ведь требуют...

Есть вещи вроде бы не совсем обязательные. Скажем, доверие к людям. Один доверяет, другой нет. Если судить только по этому признаку, то и первый не ангел и второй не зверь: не оскорбляет действием, боже упаси! Голоса не повысит, по столу кулаком не шмякнет. Просто не верит никому — и всего делов.

Но если даже цифрам, у которых за душою ничего, кроме значения, нету, и тем невмоготу без доверия, то, представляете, каково человеку? Ведь у него не только значение, у него еще и душа...

— Придется сходить за больничным: все бока отлежал...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Ц. СОЛОДАРЬ

ТРЕБУЕТСЯ РЕШЕНЬЕ

Ему напомнили:
— Два месяца прошло,
А где же ваша виза на проектах!
— Ах жаль! — он отвечает.—
Как назло,
Я завтра уезжаю на объекты.

Ему твердят:
— Пора решать вопрос!
— Решать! Ох, это штука непростая...
И он упорно продолжает кросс:
Бежит от собственного мнения,
Как стайер.

Еще два месяца прошло.
День ото дня
Он тянет, тянет...
И мыслишка гложет:
— Ответственность упала на меня,
Глядишь — могу упасть под нею тоже.

Лежат проекты.
На строительстве простой.
Напоминаний тюк приносит почта...
— Рискнуть! А стоит ли! Ведь выход есть простой!

И бюллетень берет
На нервной почве.

— Я подпишу, какой тут разговор!
Подзадержался малость,
Так неловко...—
Но в ход пошел испытанный набор:
Поездка на курорт... Командировка...

Затем баланс, отчет... Затем аврал...
Ну, словом, сверхнадежная ограда...
Чтоб от решения
Он напрочь не удрал,
О нем самом
Принять решенье надо!

МИМОХОДОМ

На проторенной дороге следов не остается.

За ум хорошо браться, когда он есть.

Волки сытыми не бывают.

Что может сделать каждый дурак, не каждый умный сделать в состоянии.

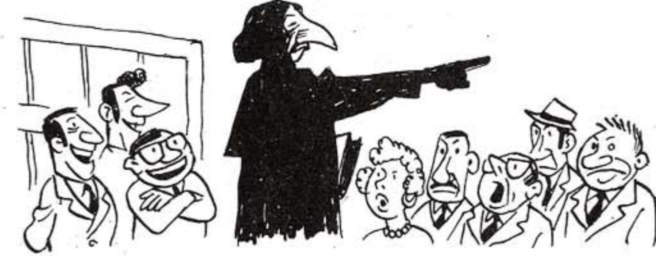
Дороги не всегда ведут туда, куда их прокладывают.

Однообразнее пасмурной погоды в природе ничего не бывает.

А. ТИТОВ.

В. КОТЕНКО, А. ДАВИДОВИЧ

СТОЙ, ПАМЯТНИК!

Рассказ

Пришло время заступиться за великого писателя XIX века Н. В. Гоголя.

Теперь расскажем вслух эту историю. Когда на торжественном открытии памятника классику нашей сатиры сняли со статуи байковое одеяло, работники одной торговой базы увидели, что Николай Васильевич указует пальцем вытянутой руки на их заведение.

Собралась толпа и пристально смотрела в заданном направлении. И понимающе качала головами. А на площади, между прочим, была и милиция. «Ага! Попались, голубчики!» — хихикали зрители.

Работники торговой базы с ужасом забегали по этажам.

— Ну и народ эти сатирики! И после смерти нет от них никакого житья. Он же тычет пальцем в наши махинации. Надо прекратить порочную практику производства сатириков с вытянутой вперед дланью.

Ночью коллектив базы собрался с силами и развернул Гоголя на сто восемьдесят градусов. Теперь классик стал к ним своей безопасной спиной.

Многие прохожие не поняли, как это произошло. Все пожимали плечами: мистика! Ученые объясняли, что не мистика, а просто науке еще не все известно, но она эту тайну вот-вот с помощью ОБХСС раскроет.

А Гоголь, между прочим, после поворота стал указывать на стоящий здесь же мясокомбинат. Там, в свою очередь, началась паника.

— Наверное, сатирик требует усиленной ревизии!

Ночью с ломами, веревками и специальными поворотными механизмами колбасники вышли на площадь, озаренную отсутствием свидетелей. Но здесь их встретила хорошо вооруженная команда из соседнего ателье.

— А ну не тронь! Классик не маленький, сам знает, на кого указывать.

Начался спор и, как в «Тарасе Бульбе», чуть не закончился потасовкой. Гоголь понимающе смотрел на всех и чуть заметно улыбался. Победил тот, у кого была лучше техника: битву выиграл подъемный кран.

Памятник сняли с постамента, погрузили на машину и увезли с той скоростью, каковую классик-сатирик воспел в лирическом отступлении про птицу-тройку. И теперь покоится в мастерской скульптора.

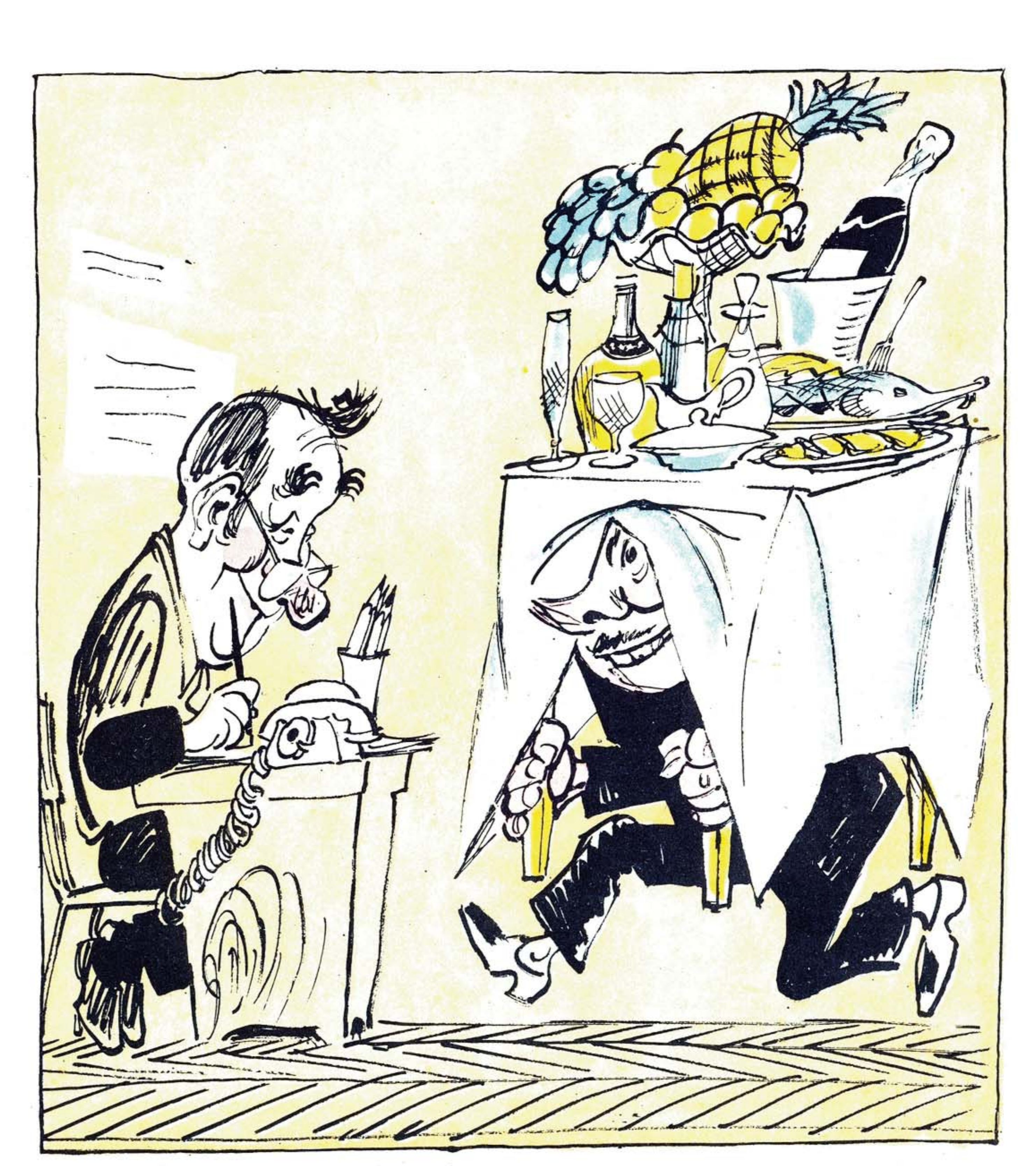
А на его место поставили отлитую в бронзе фигуру человека, не менее популярного. Выдающегося вратаря сборной района, которого каждый мечтает развернуть в свою сторону.

г. Воронеж.

— Что же вы даете одни зеленые яблоки? . . . . — А ты говорил — зеленые!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Я к вам поговорить по поводу своего заявления.

Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

ГОРОДА И ГОДЫ

Если мы ознакомим жителей Новочеркасска с жалобой граждан, что проживают на 1-й Пионерской и Нагорных улицах Саратова, то новочеркассцы, надо думать, не признают ее убедительной.

— Приезжайте к нам, — с ехидством скажут они,— и попробуйте-ка пройти по улице с дивным названием Красный спуск в обычных туфлях. Мы гарантируем, что от туфель останутся лишь шнурки, зато колени украсятся ссадинами. О высоком качестве ям, рытвин и канав, что придают своеобразие тутошнему ландшафту, говорит тот факт, что созданы они не дедовским ручным способом, а механическим — экскаватором.

— Ха-ха-ха! — рассмеются в ответ веселые саратовцы. — И вы смеете всерьез говорить о такой ерунде! У нас по улицам речки текут...

— А у нас, вы думаете, не текут?

— Не перебивайте! — осерчают саратовцы. — У вас, должно быть, молочные реки, а у нас, пардон, фекальные. Как идешь мимо, так нос руками зажимаешь. Но ведь бывает и так, что обе руки заняты.

— А вы прищепочкой! — посоветуют новочеркассцы. — Помогает. Мы на себе испытали: наши речки того же происхождения, что и ваши. Четвертый год бьют из-под земли.

— Всего-то? — пренебрежительно наморщатся саратовцы.— Нашей беде десять лет в этом году стукнуло. Как прорвало в шестьдесят четвертом, так и хлещет до сих пор. А рядом детсад.

— Ну это не так страшно. За дошкольниками легче уследить. А вот наши речки омывают два школьных здания. Ребятишки кораблики в них пускают, а после животом маются. Писали мы начальнику треста водоканализации Шемету— без толку.

— Всего-то? — еще пренебрежительней поморщатся саратовцы.— Одному - единственному Шемету писали? А мы и в редакции, и в райисполком, и в горисполком, и начальнику отделения дороги Сидорковичу...

— И что? — уважительно спросят новочеркассцы.

— Ничего, — вздохнут саратовцы. — Пахнет.

Вслушайтесь в этот диалог, читатель. И города разные, и названия улиц, и фамилии начальников, а вот аромат одинаковый. Одинаково скверный.

Р. ТИМОВ.

НЕГАТИВНЫЙ ПОЗИТИВ

В редакцию прислали фотопленку (негатив). Автор извинялся, что не смог напечатать, так как очень спешил. К пленке прилагалась подпись: «Никифоровский хлебоприемный пункт Тамбовской области в ожидании нового урожая».

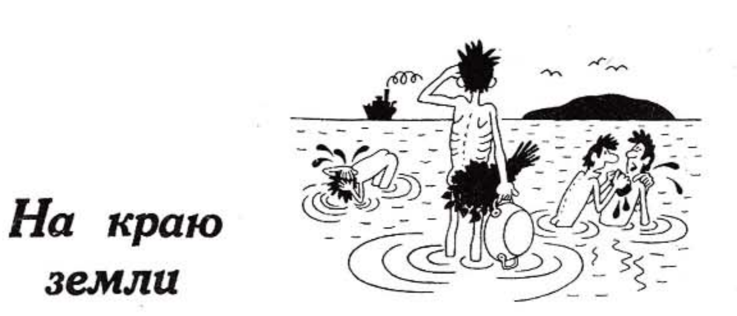
Мы отпечатали снимок и усомнились. Не иначе как автор перепутал. На хлебоприемный пункт не похоже.

В редакции даже разгорелся спор. Одни утверждали, что это пункт сбора металлолома. Другие уверяли, что видели такой пейзаж на соседней улице, после того как со стройплощадки ушли строители. Третьи были склонны верить автору, но с оговоркой: снимок сделан задолго до начала уборки урожая, а на фото мощные машины, которые ведут благоустройство территории.

И тогда мы послали в Никифоровку своего корреспондента, решив, что лучше один раз увидеть натуру, чем сто раз смотреть на фотографию.

Корреспондент увидел. Увы, снимок и личные впечатления совпали до мельчайших подробностей.

Ю. Б.

На краю земли

Глянь на географическую карту, романтик. Найди в правом верхнем углу село Лаврентия, Магаданской области.

На самом краю земли люди живут!

Напротив Аляска виднеется, Берингов пролив под ногами ухает, а где-то сбоку, в тумане,— линия перемены дат.

— У самого восхода! — завидует по-хорошему романтик.

Действительно, когда в Москве полночь, село встречает рассвет, а когда в Москве утро и идет романтик, к примеру, в знаменитые Сандуны, то на краю земли уже спят...

Спят плохо. Снится обычно одно и то же. Мелькают шайки со звонким кипятком, голые тела в мыльной пене, и изобретатель душа Шарко в шляпе, с березовым веником.

— Тьфу ты! — рано просыпается житель Лаврентия, травмированный таким сновидением.

С тоской идет он к Берингову проливу, хмуро смотрит на восход солнца, чешет голову и думает:

«Когда же отремонтируют на нашем краю земли баньку, которая не работает уже столько месяцев?»

С. БОДРОВ.

Молодящийся дом

Косметикой, оказывается, пользуются не только женщины. К ней прибегают и работники коммунальной службы. Причем и мужчины тоже. Правда, не в смысле нанесения на собственные лица различных кремов и оттенения век. А в смысле обманчивого, поверхностного ремонта зданий.

Возьмем, к примеру, московский дом № 2 по Большой Полянке.

Старожил он данной улицы, и там, где когда-то, еще в прошлом веке, были морщинки, в наши дни образовались трещины. В связи с естественным износом. А также по той причине, что лет десять назад под этим пенсионным домом в нарушение правил проложили теплотрассу, и пар, пробившись сквозь земную толщу, ворвался в дом и прочно в нем обосновался. Летом жильцы еще различали друг друга, а зимой в доме — как в Лондоне в самую тяжкую пору смога.

Жильцы, конечно побежали. Кто в жэк побежал, а кто прямиком — в Октябрьское райжилуправление. Засуетились в этих учреждениях служащие. Стали наведываться к злополучному помещению. Оглядывали, ощупывали. И даже, извините, обнюхивали по настоятельной просьбе квартиросъемщиков. Морщились. Головами качали.

И в результате маляров прислали. Как заправские косметологи, подкрасили они обвалившуюся штукатурку, замаскировали трещины. Навели глянец на старца, которому давно пора на снос. И теперь неискушенному прохожему он может показаться вполне молодым и крепким. Конечно, если этот прохожий будет смотреть на дом с противоположной стороны улицы.

Д. СУКОНЦЕВ.

НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ...

Говорят, чтобы узнать, с кем имеешь дело, нужно вместе пуд соли съесть. Но вот на Батайском хлебокомбинате утверждают, что это совсем не обязательно. Батайские хлебопеки раскусили работников ТЭК станции Батайск, даже не съев вместе с ними ни крошки соли.

Тем не менее пришлось им, хлебопекам, и без того солоно. Насолили им тэковцы, то есть работники транспортно - экспедиционной конторы.

По положению они обязаны выгружать из вагонов и доставлять на хлебокомбинат прибывающие в его адрес грузы. Но вот беда: каждый раз из договора аккуратно вычеркивается соль. Без которой, как известно, хлеба не испечешь.

— Как же нам быть? — со слезами спрашивают хлебокомбинатовцы. — Нельзя же хлеб печь без соли.

— Ничем помочь не можем,— с достоинством отвечает ТЭК.— Нету у нас на станции Батайск разгрузочных механизмов для сыпучих грузов. Уж вы сами как-нибудь. Своя-то ноша не тянет. Поднатужьтесь.

Устранились от решения этого вопроса и Управление Северо-Кавказской железной дороги и даже МПС.

И работники хлебопечения очутились перед дилеммой: либо полностью переключить производство на выпуск бессолевого хлеба, либо выгружать и доставлять соль на комбинат собственноручно.

Боясь гнева потребителей, они избирают второй вариант. Соль из вагонов выгружают вручную и доставляют в свои владения самовывозом.

Г. ТАРЛЕЕВ.

Понедельник — день тяжелый...

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Крокодил помог

О проблемах города Поворино, Воронежской области, о различных неполадках, бедах и неурядицах рассказывал фельетон С. Бодрова, опубликованный в № 8 «Крокодила».

Как сообщил редакции секретарь Поворинского райкома КПСС тов. И. Седых, фельетон обсуждался на заседании исполкома Поворинского городского Совета депутатов трудящихся. Критика признана правильной. Разработаны и утверждены дополнительные мероприятия по улучшению санитарного состояния города, благоустройства и общественного питания.

Работа ресторана в здании вокзала будет улучшена: расширяется ассортимент блюд, улучшается их качество. Утверждены мероприятия по дополнительному строительству детских игровых и спортивных площадок, улучшается работа парка и стадиона.

В городе будут построены и отремонтированы дороги и тротуары на 260 тысяч рублей. Запланированы работы по освещению улиц, капитальному ремонту водопроводных линий и строительству городского водозабора. В настоящее время асфальтируются улицы, ремонтируются булыжные мостовые, грейдируются дороги.

БУДЬ ЕДИНСТВЕННЫМ!

С жителя Льговского района, Курской области, А. Ф. Халина ни с того ни с сего начали удерживать деньги за холодильник, якобы купленный им в кредит. Пришлось Александру Федоровичу, вооружившись различными справками, отправиться в Курский горпромторг и доказывать, что он не тот Халин, который им нужен. Доказать-то доказал, но деньги, уже вычтенные с него,— 59 рублей, получить с горпромторга никак не мог. Пришлось обращаться в суд.

Этой «ошибке» судебного исполнителя Льговского народного суда Сухочева, стоившей А. Ф. Халину года хождений и мытарств, был посвящен фельетон «Будь единственным!» («Крокодил» № 11).

Как сообщила начальник отдела юстиции Курского облисполкома тов. В. Коршунова, судебный исполнитель Сухочев с работы уволен. Народному судье Льговского нарсуда тов. Г. Рыковскому указано.

«НА ПОРОГЕ ОТКРЫТИЯ»

В фельетоне Ю. Борина и А. Травина («Крокодил» № 14) говорилось о плохом качестве пылесоса «Вихрь», выпускаемого ленинградским объединением «Спутник».

Как сообщает начальник Главмашдетали Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР тов. С. Вихлянцев, в настоящее время объединением «Спутник» освоено серийное производство воздуховсасывающих агрегатов к пылесосам «Вихрь». Усилен контроль за качеством выпускаемой продукции. Осваивается выпуск моделей пылесосов повышенной комфортности.

И. СОЧИВЕЦ

ЭТОТ БЕШЕНЫЙ, БЕШЕНЫЙ ТЕМП!..

Рассказ

До чего же быстро время летит, просто сил нет!..

Не успеешь оглянуться, годы, как ласточки, один за другим чирк-чирк — и нет их!.. Социологи в газетах пишут, что у нашей современной жизни машинный темп движения, за ней трудно угнаться.

Это верно, это я по себе знаю, по собственному печальному опыту.

Сижу тут недавно у себя в комнате, задумался, отвлекся от всего, вдруг слышу:

— Дедушка, дайте конфетку!

Очнулся. Озираюсь: где дедушка? Какой дедушка?

— Ты кого зовешь? — спрашиваю у беловолосой голубоглазой девчоночки, влетевшей в комнату.

— Вас, дедушка! Дайте конфетку, пожалуйста!..

Фу ты, господи! Да это ж моя внучка!.. Позвольте, но когда же это я дедом стал?! Ведь вроде как вчера еще ругал собственных детей: «До каких пор, чертенята, собираетесь на отцовской шее сидеть!» — а тут уже: «Дедушка, дайте конфетку!» Здравствуйте, пожалуйста!.. Хорошо еще, что никого в комнате не было. Засмеяли бы меня все наши вдрызг: хорош дед, родную внучку не узнал!

Бешеный темп, ох, бешеный!

— Ты чья же такая? — спрашиваю у девчоночки, потому что не могу разобрать, кто ее отец — Дмитро или Петр.

— А вы что, не знаете? Вот сейчас пойду к бабушке и пожалуюсь, что вы меня дразните!..

— Не надо к бабушке ходить! — Подтаскиваю девчоночку к себе, глажу ее по беленькой головке.— Не обижайся на деда! На тебе две конфетки!

Засмеялась, взяла и убежала.

Остался один, сижу, размышляю. Всех внуков и внучек своих припомнил и — на всякий случай! — записал их имена на листке бумаги с пометками, кто чей: кто — Дмитро, кто — Петра, а кто — Маринкин. При таких бешеных темпах жизни на одну свою память надеяться нельзя, обязательно надо все записывать.

Вот, например, никак не могу вспомнить, какой я институт окончил! Не записал в свое время — теперь изволь ломать голову, а она и так у меня уже трещит по всем швам!.. Так же и с курсами всякими... Мало-мало, а штук двадцать пять курсов повышения квалификации я окончил. А на каких именно курсах я фигурировал — из головы, как ветром, выдуло! Спросите, какая у меня теперь квалификация, толком не отвечу. Надо было записывать тогда, когда фигурировал, а я... Сама себя, видать, раба бьет, коль нечисто жнет!..

Да, с этими бешеными темпами движения жизни ни за грош можно пропасть.

Тоже вот на днях остановил меня на улице незнакомый человек. Посмотрел, хватает мою руку, жмет, аж в глазах потемнело.

— Вавило? Синепуп? Ты?!.

Облапил меня и трясет, как грушу.

Кое-как вырываюсь из его медвежьих лап, говорю дипломатично:

— Я-то действительно Вавило Синепуп. А вы кто?

— А я Микола Черепок, твой земляк, даже, если покопаться, так и твой родич дальний.

И чуть не вприсядку пляшет от радости.

Видали земляка! Да поставьте передо мной эскимоса или новозеландца, для меня и они будут земляки. Разве можно при наших бешеных темпах всех запомнить, с кем когда-то общался, с кем чай пил или чего покрепче?

Лица разных людей мелькают перед тобой, как на экране телевизора: мельк — и пропало, мельк — и пропало...

Женщина в комнате возникает. Что-то есть знакомое во всем ее облике. О господи, да это же жена моя, супруга, так сказать. А как ее зовут?!

Осторожно, чуть дыша, чтобы не испугать, говорю:

— Верочка, это ты?!

— Да ты что, спятил?! Какая я тебе Верочка?! Ты с кем это собственную жену спутал?!

Тю! Ни с кем я ее не спутал. Моя она, родная, единственная! Только зовут не Верой. А как?.. Попробуйте в голове имя удержать, когда дети ее зовут «мама», внуки — «бабушка», а я сам — «старуха». А годы-то летят, темп бешеный!..

Пошел на военную хитрость. Дня два потратил на поиски и все ж таки в одном заветном ящике своего письменного стола нашел нужный документ — свидетельство загса о регистрации нашего брака. Гляжу: Татьяна! Не Верочка, значит, а Таня... Танечка!..

— Танюша,— говорю,— родненькая! — и поцеловал ее так, как целовал тогда, когда звал не «старухой», а «зоренькой».

Она в слезы:

— Значит, не забыл еще! Спасибо хоть на этом. А то ведь я думала, что у тебя злой склероз или... какая-то другая к тебе прицепилась... гадость...

Я, конечно, утешил ее:

— Я, Таня, просто пошутил тогда! У меня память в полном порядке, не беспокойся за меня.

Теперь вы видите, что делает с людьми этот бешеный, бешеный темп жизни. Разве может обыкновенный нормальный человек переработать чудовищный, стремительный поток информации, который, бушуя, ежедневно врывается в его бедную голову?

Хорошо еще, что я довольствуюсь одним только телевизором. А если бы я еще газеты и журналы читал? Рехнулся бы запросто. И сам бы не заметил, когда и с чего!

Перевел с украинского
Леонид ЛЕНЧ.

таланты и поклонники

Рисунок С. СПАССКОГО

Пародия

Мих. РАСКАТОВ

Все научно

Даже если уезжаю
на полгода, на три дня,
все равно я провожаю
провожающих меня!
Инна КАШЕЖЕВА.

Я теорией Эйнштейна
неподдельно дорожу
и вполне благоговейно
про нее стихи пишу.
Я знакомых просвещаю,
верность физике храня,—
я сегодня угощаю
угощающих меня
и закуской, и блинами,
и солянкой, и вторым...
Чудо-стол сидит за нами
все равно, как мы за ним.
Чередой летят минуты —
я минуты не виню,—
но, однако, почему-то
не найдет меня меню...
Вот она, печаль какая!
И, к себе меню маня,
я активно развлекаю
развлекающих меня.
Мило, неофициально
мы болтаем, а пока
стол идет к официанту
за цыпленком-табака...

Игорь МАРТЬЯНОВ

Горько!

Струится тонкий горьковатый запах,
И горьковатый запах поля...
...И пахнут горьковато, по-российски...
...За горьковатым запахом калины...
У весенней грозы горький запах черемухи,
...И горько пахнет свежею травой...
И т. д. и т. п.
Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

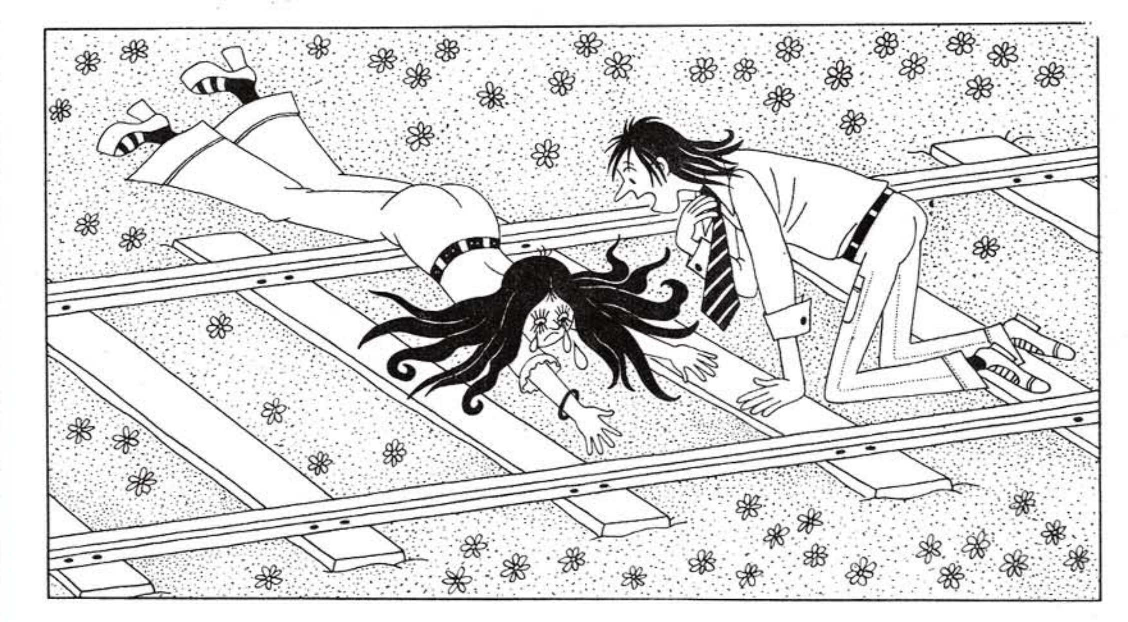
Нет, воистину не случайно
Обоняние мне дано —
Помогает необычайно
Тайны мира познать оно.

Потяну я, к примеру, носом
И почувствую без труда;
Горько пахнет туман над плесом,
Горько пахнет в реке вода.

По траве прогуляюсь росной,
Побываю в полях, в лесу
И почувствую, что несносно
Загорчило в моем носу.

Горько пахнут весною грозы,
Горько пахнут зимой снега,
Горько пахнут весь год березы,
Козы, лозы, луга, стога.

Встанет утром горькая зорька,
А про сладкое позабудь...
И мечтаешь, вздыхая горько:
«Хоть бы кислое что-нибудь!»

— Ну идем домой! Подумаешь, не дали тебе роль Анны Карениной!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Мих. КАЗОВСКИЙ

Пародия

КАБАЧОК «МЕЖДУ СТУЛЬЯМИ»

ПАН ВЕДУЩИЙ. Добрый вечер, дорогие друзья! Итак, мы вновь стоим на пороге нашего кабачка, где никогда не смолкают глубокомысленные шутки и смех. Сообщаю последние новости. Пан Пиринейский, ставя очередную пьесу, поставил ее с ног на голову. Пан Зюка написал новый роман о кроликах, но потом испугался, что произведение могут прочитать, и сжег его. Пани Переса сшила себе из носового платка мужа модную кофточку, но пан Обладек этого не заметил и продолжает в него сморкаться. Так что у нас, как и раньше, все проходит на высоком интеллектуальном уровне. Впрочем, предлагаю вам самим в этом убедиться!

Интерьер кабачка. Музыканты делают вид, что играют. За столом пан Начальник и пан Вытруба.

ПАН НАЧАЛЬНИК (слегка заикаясь). Скажите. Пан Вытруба. Вы смогли бы?

ПАН ВЫТРУБА. Смог бы, пан Начальник, я такой.

ПАН НАЧАЛЬНИК. А. Может. Не надо?

ПАН ВЫТРУБА. Надо, пан Начальник.

ПАН НАЧАЛЬНИК. Вы. Уверены?

ПАН ВЫТРУБА. А вы, пан Начальник?

ПАН НАЧАЛЬНИК. А я. Думаю.

ПАН ВЫТРУБА. И давно вы так, пан Начальник?

ПАН НАЧАЛЬНИК. С сегодняшнего. Утра. Что. Разве не заметно?

ПАН ВЫТРУБА. Заметно, пан Начальник. У вас лицо такое, будто зубы болят.

ПАН НАЧАЛЬНИК. У меня всегда такое. Лицо. Я его мою. С мылом. Как у нас дела с мылом, пан Вытруба?

ПАН ВЫТРУБА. В прошлом квартале перевыполнили, а в этом нет.

ПАН НАЧАЛЬНИК. Вот видите. Пан Вытруба. А еще говорите. Что смогли бы. Я вас хотел старшим счетоводом. Назначить. А вот теперь. Погодю.

ПАН РЕКОРДСМЕН (крупно). Ведь это ж надо, а?

Звучит песня. Пани Крыся в сверхмодном брючном костюме приплясывает и открывает рот вместо Лили Ивановой. В кабачке появляется пан Зюка.

ПАН ЗЮКА. Вы знаете, какую потрясающую историю рассказал мне мой гениальный пес Пуфик? Так слушайте. Дело было, грубо говоря, летом. Или, может быть, даже где-то, по большому счету, зимой. Не в этом суть. Возвращается один, грубо говоря, священник с заутрени. И вдруг видит, что у него на кухне сидит любимый пес и ест ворованное мясо. А надо вам сказать, что священник этот свою собаку дессительно любил. Даже, как говорится, по большому счету. Но никак от нее такого не ожидал. И поэтому священник взял своего пса и, грубо говоря, убил. Убил, а потом сам себе и говорит: «Что, говорит, мне теперь с ним делать? Мясо-то все одно пропало!» И вот он, грубо говоря, ночью вышел в огород и только хотел свою собаку где-то, по большому счету, закопать, как к нему подходит человек и спрашивает: «Скажи мне, говорит, так честно и откровенно, ты боисся зайцев?» И знаете, кто это был? Сам Бойль-Мариотт. Представляете?

ПАН РЕКОРДСМЕН (крупно). Ведь это ж надо, а?!

В дверях появляется пани Гармоника. Она запевает голосом Жильбера Беко.

ПАН АКАДЕМИК. Гармоника, дорогая, что случилось?

ПАНИ ГАРМОНИКА. И не спрашивай! Это все из-за Марека.

ПАН АКАДЕМИК. Какого Марека?

ПАНИ ГАРМОНИКА. Хызиного мужа. Он мне еще приходится деверем. С тетиной стороны.

ПАН АКАДЕМИК. Ну и что?

ПАНИ ГАРМОНИКА. Ничего. У нее родился мальчик, который теперь играет на сопилке.

ПАН АКАДЕМИК. А Хызя?

ПАНИ ГАРМОНИКА. А Хызя прибегает и говорит: «У Капюшонских украли носорога!» Они носорога назвали Яковом. Ты его помнишь?

ПАН АКАДЕМИК (покачиваясь). Нет.

ПАНИ ГАРМОНИКА. Ну как же! Ты еще с ним в тот вечер в карты играл, а я была в розовом купальнике. Мне его Франек подарил на поминках своей снохи. Ты Франека помнишь?

ПАН АКАДЕМИК. Помню. Его носорога назвали Хызей! (Грызет столик и поет голосом Радмилы Караклаич).

ПАН РЕКОРДСМЕН (крупно). Ведь это ж надо, а?!

ПАН ВЕДУЩИЙ. Как видите, у нас все так же весело, как и раньше. Недаром говорят: «Ум хорошо, а без него смешнее...» К сожалению, дорогие друзья, нам пора прощаться. Но мы надеемся, очень надеемся, что вы еще не раз встретитесь с завсегдатаями кабачка «Между стульями»! До новых содержательных встреч!

— У нас зрители сами решают, кого застрелить: Ленского или Онегина.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Петр НЕЗНАКОМОВ (Болгария)

УДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Около полугода назад я решил провести один эксперимент. Нарочно решил написать невзрачное произведение, что-то вроде повести или небольшого романа, но такого, который принято называть «серый поток». Я думал — ерунда, сяду за машинку и состряпаю быстренько книгу, как делают многие мои коллеги. Но все оказалось намного сложнее. Во-первых, я талантливый человек и, стоит мне начать писать, просто некуда деваться от таланта. Так и лезет с пера на белый лист. И сюжет развиваю блестяще, а что касается эффектного финала, то тут я просто неподражаем... Но если у человека есть сильная воля и железная творческая дисциплина, говорят, он может и горы свернуть. Одним словом, осуществил я свой замысел. Вышло небольшое банальное произведеньице на сельскую тему. Я нарочно выбрал эту тематику, потому что не имею о ней ни малейшего понятия.

Я решил предложить написанную таким образом книгу в какое-либо издательство, не открывая, разумеется, заранее, что оно серое, а потом с огромным удовольствием ждать, разберутся ли редакторы сами в этой работе, или, учитывая мое имя, мой пост и пр., прикинутся дурачками и пустят в печать.

Но прежде чем осуществить этот эксперимент, я решил провести испытание в тесном кругу близких приятелей. Пригласил домой на вечер трех-четырех критиков (из тех, кто до сих пор меня хвалил), двух-трех коллег, которые всегда оставались мне верны при всех превратностях и бурях литературной жизни (они находились у меня в служебном подчинении) и несколько женщин-интеллектуалок, чтобы придать вечеру пикантный колорит.

Выпили, поели, обменялись последними сплетнями, затем я попросил тишины и вытащил из папки свое серое творение, заранее предвкушая удовольствие от эксперимента.

Слушали меня при гробовом молчании, и я даже подумал, что все поняли, в чем состоит мой фокус. Но только я кончил читать, как раздались аплодисменты. Боже мой, с какими людьми я дружил, каких типов я приглашал к себе в дом, угощал хлебом и вином!

После краткого и вполне естественного в таких случаях молчания полились высказывания. Ну и расхваливали они мое «произведение»!

Я так разозлился, что хотел снять кнут со стены (он висит у меня как украшение) и, словно Христос из храма, выгнать из дома всех этих лжецов и лицемеров. Но тут я заметил, что жене приятно слушать похвалы в мой адрес (она не была посвящена в суть эксперимента), а молодая супруга одного из коллег просто готова съесть меня глазами. Мне удалось сдержаться, и вечер закончился в приятной обстановке взаимных объяснений в любви.

Но как только я, проводив гостей, лег в постель и потушил ночник, переживания минувшего вечера вновь охватили меня, и во мне закипело возмущение. Но одновременно зазвучал довольно настойчивый голосок: а вдруг я ошибаюсь и вопреки всем своим стараниям действительно создал нечто талантливое и сильное?

Впрочем, глупости! Я-то знаю, какую чушь я написал, с каким трудом выдумывал всякие банальности и шаблоны и как радовался, что сыграю со всеми такую забавную шутку. Ладно, утром отнесу рукопись в издательство, и все выяснится.

Утром я позвонил по телефону знакомому редактору в издательство и сообщил, что закончил рукопись, которая была запланирована на конец года. Договорились, что я занесу рукопись, и, когда я передавал ее, он долго тряс мне руку.

Через неделю в квартире раздался телефонный звонок. Я поднял трубку, узнал голос редактора и услышал нечто совершенно неожиданное. Мне просто неудобно повторять читателю все, что я услышал. Короче говоря, он благодарил меня за высокохудожественное произведение, за талантливый отклик на требование жизни. И еще за многое в том же духе.

Дней через десять в кафе я случайно встретил одного критика, к которому не питал особого уважения (он никогда не обращался к моему творчеству). Так вот, этот критик вдруг заявил, что пора исправить старую ошибку, что он мне докажет — я напрасно подозревал его в предвзятом к себе отношении. Критик тут же заключил меня в объятия и чуть не задушил. Ему дали рецензировать мое последнее произведение, он сначала отказывался, но потом, начав читать первую страницу, уже не мог оторваться от романа (это, несомненно, роман, брат, никакая не повесть!) до утра, все не терпелось узнать, что произойдет с героями.

— Это просто великолепно! — повторял критик, все еще не выпуская меня из объятий.

На этот раз и я был озадачен. Все, кто хвалил меня до сих пор, были моими приятелями, и можно было подумать, что они просто щадили мое самолюбие. Но этот был совершенно чужой человек, больше того, человек, который до сих пор не любил меня.

Вернувшись домой, я получил известие, что рукопись моя принята к печати без единой поправки, только с небольшим уточнением, что это не повесть, а большой роман. Словом, меня попросили прийти в любой день и подписать договор.

Чем же все это кончилось? Роман вышел из печати, и критики единодушно решили, что мне сопутствовал несомненный успех на этой непаханной целине. И лишь какой-то только что вылупившийся из яйца желторотый птенец написал, что мой роман — типичное произведение серого потока...

Но я, понятно, это так просто не оставлю. Я пойду к председателю творческого союза, наконец, добьюсь приема у министра культуры и потребую, чтобы этого критика поставили на место. Он, видите ли, думает, что может безнаказанно ругать признанных представителей нашей литературы и их эталонные произведения!

Перевела В. СЕДЫХ.

КНИГИ

— Вот мы и решили вопрос сбыта неходовой литературы!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ЭТИ РУКИ НАДОЛГО В ДУШЕ СОХРАНЯТ...

Книжица называется категорично: «ОПЫТ ЛУЧШИХ — ВСЕМ!» **(Методическое пособие к Всесоюзному дню железнодорожника, издательство «Транспорт»).**

Один из разделов озаглавлен рекламно: **«Используйте в клубных вечерах».** И открывается литературной композицией **«Руки рабочие»,** носящей поистине универсальный характер: **«Композиция... состоит из четырех частей, посвященных... строителям стальных трасс; энергетикам, машинистам и проводникам...»**

И в песне и в стихах для чтецов там и сям рассыпаны поэтические находки: **«И смуглы наши руки, как солнца закат, и точны наши руки, как солнца восход...».** И кроме того: **«В городах и поселках столько разных людей эти руки надолго в душе сохранят».** Чьи руки сохранят в душе? Ни за что не угадаете, чьи они, без подсказки. Речь идет о проводнике вагона, который **«несет людям радость на добрых ладонях».** Впрочем, «радость», надо думать, поэтическая шалость, символ стакана чая в эмпээсовском подстаканнике...

Вслед за барабанно-торжественной запевкой «Руки рабочие» выступает Г. Эмельфаров со сценарием обозрения **«Необыкновенный багаж»,** предназначенным для художественной агитбригады.

Значит, задумка такая. Приходит багаж — **«ящик в виде расписного сундука».** Из сундука... Помните, как задумывал Огурцов в «Карнавальной ночи»: из теремка выходит... докладчик. А здесь **«из ящика поднимается человек — это Ведущий. Все удивленно смотрят на него».** Еще бы! Почему ведущий должен выходить на сцену цирковым способом?

В ящике - сундуке, оказывается, есть еще много чего. Извлекаются фотографии хороших людей. Они аттестуются в таких выражениях:

Про Петрову слышал, братцы, я,
Говорит народ: «Ей-ей —
Не дежурная по станции,
А волшебница, скорей».

Творческие шукания сведены до минимума. Зачем метаться в поисках слова? Гикнул какое-нибудь ямщицкое «Ей-ей» и шуруй дальше:

«Про Владимира Нарожного
Так и хочется сказать:
«Лучше мастера дорожного
На участке не сыскать».

А если реальный мастер, прославляемый стихами Г. Эмельфарова, носит фамилию Дорофеев или Перепрыгненко, — как быть? Значит, пусть на местах выкручиваются своими силами?

Конечно же, отдается дань критике. Для этой цели агитбригадовцам надо почему-то притворяться князем и участниками древнего веча. Вече идет в экспрессном стиле и темпе: **«Раз вагон поколотили — то и груз уж повредили, а коль так — куда деваться — нужно, значит, отцепляться».**

Сценарий велит далее артистам надевать кивера образца 1812 года. Они совершенно необходимы для исполнения обличительных куплетов: **«В нетрезвом виде был Кузьмич, упав, ушибся о кирпич...»**

Потом участники должны перевоплотиться в зверей и сыграть сказку, в которой пьяница Козел — составитель поездов, подбиваемый хулиганами — Зайцем и Лисой, ворует из вагона выпивку. Тут же появляется Медведь — стрелок военизированной охраны. И, конечно, мораль: **«Вот насколько водка зла: был козел, и нет козла».** Очень поучительно и доходчиво. После просмотра вряд ли у кого поднимется рука на вагонную пломбу...

Вниманию самодеятельности предлагается и короткая вступительная интермедия Г. Беленького и А. Соколова **«Под стук вагонных колес»,** полная комизма. Например: **«Салют, Николай! Как твой сынишка? — Хорошо... Все понимает. «Если, — говорит, — сейчас папа возит полувагоны, то ты, мама, должна стать полупроводником».**

Ух, как смешно! Как говорится, животики надорвешь... Но какое-то сомнение одолевает. И почему-то не хочется, несмотря на настойчивые рекомендации, использовать все это на клубных вечерах. Почему-то хочется воздержаться от декламации узковедомственных виршей о смуглых закатах светила и точных восходах его же.

ЭР. ЭДЕЛЬ.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты
Крокодила

ПУСТЕЛЬГА

Знаем, было!.. И то было, и се, и пятое, и десятое!.. И записывали в буржуазные перерожденцы рабфаковца, нацепившего модный галстук. И называли нехорошими словами хороших парней, надевших узкие брюки, и девушек, надевших брюки вообще. Все было. Однако же во все лета, как в спорте, побеждал сильнейший — здравый смысл и современный вкус. Договоренность была достигнута и даже пропета в песне: «...можно галстук носить очень яркий и быть в шахте героем труда».

На героях труда мы не настаиваем. Это поэт, пожалуй, для рифмы или красного словца так сказал. Но что можно красиво одеваться и трудиться с полной отдачей сил и творческим вдохновением — от этого, уж простите, мы не отойдем.

Тут бы и конец нашему сочинению, если бы его герои были убежденными тружениками и достойными людьми. Но, к сожалению, герои нашего сочинения — большей частью люди никчемные, мелкие и пустые. Одним словом, пустельга.

Только не путайте эту пустельгу с одноименной и весьма полезной птицей, прямой родственницей гордого сокола. Наша пустельга — птица совсем иного полета.

Никто из них не ошеломлял консерваторский зал ойстраховской виртуозностью, никто не возглавлял список бомбардиров хоккейного чемпионата по системе «гол + пас», никто не восхищал родной завод перевыполнением сменных норм, никто не взращивал служебной собаки для пограничников...

Для этого нужно тысячи раз канифолить смычок и повторять скучные экзерсисы, годами до седьмого пота гонять шайбу, постигать секреты резца и фрезы, настойчиво вдалбливать овчарке всякие там «апорты» и «фасы». Словом, нужно делом заниматься. Серьезно, долго, старательно. А вот это-то пустельге и не по нутру. На местах работы и учебы она только значится, отбывает, тянет лямку...

Но чем ничтожнее человеческая суть пустельги, тем сильнее ее желание быть на виду. Вот спит, скажем, мужская особь по фамилии Зябин, по имени Игорь и видит захватывающий сон. Будто бы шагает он по центральной улице, а люди провожают его восхищенными взглядами и шепчут вслед: «Смотрите! Это Зябин идет!.. Зябин!..»

Проснувшись в тщеславном поту, Зябин Игорь огорчается, что наяву ему, справляющему скромную, незаметную должность препаратора на одной из кафедр Московского авиационного института, нет поводов рассчитывать в ближайшее время на всенародное внимание. И принимает срочные меры.

Прежде всего пустельга предает забвению такие завоевания просвещенного человечества, как стрижка и бритье, желая возможно скорее достичь крайнего гипертрихоза и походить на самых волосатых людей в мире Юлию Пастрана или Адриана Евтихиева, издавна значащихся в учебниках анатомии как курьезы природы. Это без труда и довольно скоро удается, ибо волос, как известно, дурак и растет, где хочет. Идеал пустельги — хвощеватый юнец, сильно смахивающий на моржа пенсионного возраста.

Но пока органы внутренней секреции делают свое темное дело, пустельга не теряет времени даром и создает себе шутовские наряды, отдавая предпочтение при этом обивочным материалам, залежавшимся на складах ввиду тошнотворности расцветок. Возводятся штаны в форме пирамид, кроятся немыслимые рубашки, добываются заношенные тряпки с манящими этикетками «Ренглер» и «Ли», вымениваются жетоны величиной с чайное блюдце, на которых может быть все: фотоминиатюры ансамбля «Черные монахи», идиотский призыв «Делайте любовь!» или марка заграничной фирмы, производящей крышки для унитазов...

Вообще-то того же самого эффекта можно было бы достичь проще: вставить кольцо в нос и куриное перо в какое-нибудь подходящее место. Но нет. Тут пустельга не ищет легких путей. Любыми средствами она стремится быть похожей на современных дикарей, виденных в журналах, в фильмах, изредка встречающихся у подъездов интуристовских гостиниц. И пустельга не замечает, что в своих потугах она нелепа и смешна, как всякая дрянная копия.

Впрочем, может быть, мы спешим с выводами? Может, какой-то непознанный мир скрывается в сокровённых тайниках души этой пустельги? Так просветите же нас! Каким химическим соединением вы дышите? Что вас объединяет?

— Общие интересы...— туманно отвечает пустельга голосом десятиклассника Юрия Пискарева. — Обмен мыслями...

Какими?

С мыслями плохо. Что-то не вспоминаются пустельге мысли, которыми она обменивается.

— Мы с Надей артистами обмениваемся... — говорит пустельга голосом библиотекарши Светланы Горбуновой. — Это нас и сближает. Вырезаем из польского журнала «Экран» и обмениваемся.

Подружке, Наде Жуковой, хотя она и получила уже бумагу, именуемую «Аттестат зрелости», шестнадцать. И ей, пожалуй, такое увлечение простительно, но в восемнадцать Светланиных лет...

— А я еще ребенок! Мне до сих пор куклы дарят! — не гая иронии, говорит Светлана и при этом оглаживает декольте, называвшееся в прежние пуританские времена «неглиже с отвагой».

Ну, а что вас еще сближает?

— Поп-музыка... — роняет кто-то.

Пустельговая стая дружно кивает головами и исступленно повторяет:

— Поп!.. Поп!.. Поп!..

Ну, чистой воды попугаи, затвердившие с чужого голоса пару слов! А как насчет не «поп», а просто музыки?

— Понятно... На классику намекаете?—откликается пустельга голосом учащегося ПТУ Сергея Воронцова. — Классику я люблю. Моцарт, например! Клёво сочинял!..

Слава тебе, господи, сподобился Вольфганг Амадей! Заслужил одобрение потомков! Не то что Лев Николаевич Толстой, роман которого «Война и мир» был сегодня Сергеем спущен с рук для покупки скверного вина. Первый бал Наташи Ростовой за глоток крепленого «Мицне»! Недорого ценится у пустельги классика. И не из нее они черпают мысли и чувства, объединяющие их.

— Сидим, говорим... Кто что... Кто с какой девушкой шляется...

— Выпили бутылку вина. Где? А в туалете, — охотно делится с нами пустельга голосом токаря завода «Моссельмаш» Владимира Курицына. — С какими ребятами? А стояли в переходе и познакомились...

Вот так и создаются их компании по могучим интересам: по интересу распить в подъезде или общественной уборной бутылку вина, по интересу часами стоять в подземном переходе, глазея на себе подобных, по интересу торчать возле кафе, по интересу бесцельно мотаться взад-вперед по «стриту». Какой уж там обмен и какими мыслями в этих крикливых пустельговых стаях! Просто схожесть оперения.

Глядя на попахивающего винцом парня с дамскими локонами, с трудом веришь, что несколько часов назад он мог стоять у станка или вообще заниматься какой-то полезной деятельностью. Логика подсказывает, что любой нормальный коллектив поднял бы на смех пустельгу.

— А я волосы под косынку убираю, — отвечает пустельга голосом Николая Головкина, щуплого паренька, не обремененного мускулатурой, который представился разнорабочим Института имени Курчатова.

Допустим, что мы поотстали. Допустим, что современный рабочий не обязательно розовощекий плакатный богатырь в бирюзовой спецовке. Допустим, он ходит нынче в расклешенных джинсах и отстроченном «батнике». Допустим, что внешность обманчива. А в работе он яростен.

— Делаю, что скажут... — апатично продолжает Головкин. — Лед колю... Железо гружу... Нет, не тяжело... Работа очень нравится...

Если в головкинском хилом теле, может быть, и таятся какие-то поразительные резервы, делающие легкими и погрузку железа и колку льда, то любовь его к этой работе вызывает сильное сомнение. Просто пустельга усвоила, что пренебрежение к труду лучше не афишировать, и затвердила гладкие, правильные ответы.

И особенно поражает при знакомстве с пустельгой вот эта ее поистине фантастическая способность к мимикрии, которой она затыкает за пояс даже чудо природы — хамелеона. Как бесславно капитулируют ее дешевенькие принципы и мелкие убеждения при столкновении с реальной жизнью вне пустельговой стаи! Как безропотно прячут утром под косыночками свои роскошные локоны упомянутые юнцы! Как усердно стирает с лица аляповатую вечернюю косметику упомянутая Надя Жукова, отправляясь в школу! Как поспешно маскирует под форменным платьем выставляемый вечером напоказ модный крестик еще не упомянутая десятиклассница Лена Лепина, выбирая тему выпускного сочинения «Рост духовного сознания народа в романе Горького «Мать» или «Комсомол — верный помощник партии»!

Стоит ли после этого родителям удивляться, что их Юрочки и Леночки совсем не такие паиньки, какими они кажутся порой за семейным столом! Удивляться стоит скорей незоркости родительского глаза, приглядевшегося и потому свыкшегося с пустельговым существованием своих чад.

Что же остается у пустельги из аргументов за самих себя?

— Нет у нас такого закона, что длинные волосы носить нельзя!

— В Конституции не записано, какой ширины должны быть брюки!

— Где указ про усы и бороды?

Ах, приперли нас к стенке, заклевали!

Ну, что вам сказать? Да, есть у страны более важные и существенные дела, чем декретировать ширину брюк, длину волос и высоту каблуков. Гоголь не был подстрижен «под бокс», и Чайковский носил бороду. Но то были Гоголь и Чайковский. А не некое приложение к бороде и кудрям.

Нет у нас никакого желания уподобляться древнегреческому наставнику Ментору, оставшемуся в истории благодаря своему менторскому тону. И мы лишь надеемся, что пустельга сумеет однажды взглянуть на себя со стороны, а взглянув, поймет, что никакое она не явление, а просто нелепое недоразумение. Недоразумение, которое нужно исправлять.

НАПРАВЛЯЕТСЯ НА НОВУЮ РАБОТУ

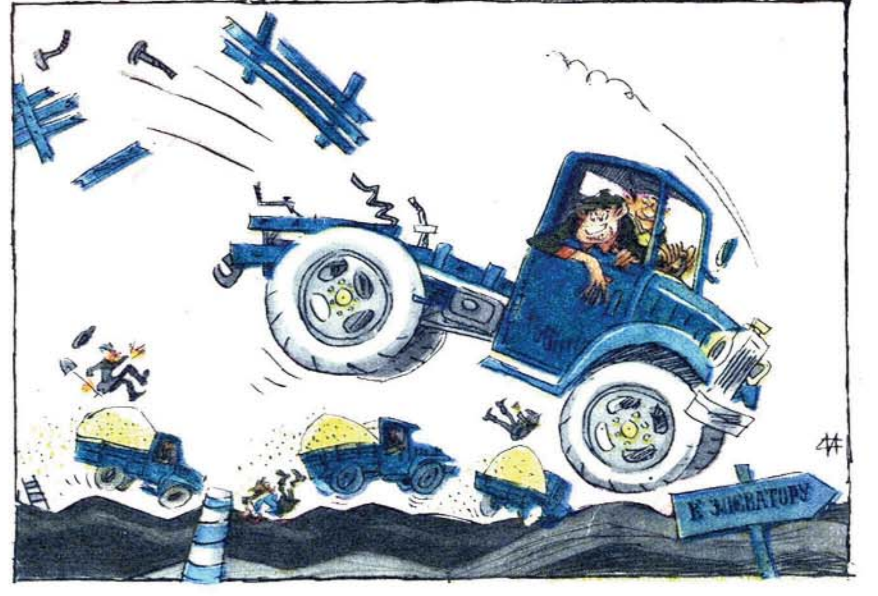
Рисунок М. БИТНОГО

Игорь ТАРАБУКИН

Наш новый дом — как пароход
На коммунальной тяге.
С восхода солнца ветер рвет
Расцвечиванья флаги.
Там — золотисто-желтый тон,
Чуть выше — флаг лиловый...
Увит гирляндой панталон
Балкон у Ивановых,
А у Петровых за окном
Ажурные сорочки...
И так этаж за этажом —
Подштанники, платочки...
Так с первых дней заведено:
Где быть цветам бы надо,
Везде исподнее одно
Сияет вдоль фасада!
И понапрасну управдом
Вновь призывал к порядку —
Вопрос поставлен был ребром:
Балкон иль бытплощадка!
И снова попусту с утра
Комиссии ходили...
Кричали женщины «Ура!»
И лифчики сушили.
Неотразимость их атак
Сам участковый понял
И простыню, как белый флаг,
Развесил на балконе!

г. Свердловск.

— Погляди, зерно не теряем?
— Не видно ни зернышка.

Рисунок И. СЫЧЕВА

Игорь ФИЛЕНКОВ

Рассказ

Встреча с властелином

Я стоял на автобусной остановке, когда он подошел ко мне и сказал:

— Пойдем!

Он был рослый, плечистый и смотрел на меня так властно, что воля моя оказалась полностью парализованной.

— Вообще-то я очень спешу,— промямлил я.

— Тут недалеко. Не бойся, я тебя отблагодарю.

Мы подошли к серому пятиэтажному дому.

— Поднимешься на второй,— сказал он.— Позвонишь в седьмую квартиру. Если откроет женщина, скажи, чтобы спустилась. Если мужчина, сделай вид, что ошибся квартирой.

Весь мой организм взбунтовался, но какая-то сила толкнула меня в спину, и, проклиная свою бесхарактерность, я поплелся вверх.

С минуту я давил кнопку звонка, но к двери так никто и не подошел.

Внизу он спросил:

— Почему у тебя такой кислый вид?

— Странно все как-то. Ко мне должны прийти по важному делу, а я почему-то выполняю сомнительные поручения незнакомого человека.

— Ничего удивительного,— самодовольно ухмыльнулся он.— Это у меня с детства. Я никогда никого не прошу. Я приказываю, и приказ мой моментально выполняется. А теперь скажи, что ты хочешь за свою услугу? Вот рядом универмаг. Наверное, тебе нужна какая-нибудь дефицитная вещичка.

— Ничего мне не нужно.

— Не тебе, так еще кому-нибудь.

— Вообще-то сестра хотела достать сапоги. Знаете, на такой огромной подошве. Тридцать восьмой размер. А мне нужен бачок для унитаза.

— Пошли! — приказал он.

В обувном отделе он поманил пальцем продавщицу.

— Выпишите сапоги на платформе. Тридцать восьмой.

— У нас нет...

— Я говорю, выпишите! — прошипел он гневно.

Девушка вспыхнула, выскочила за дверь и тут же вернулась с сапогами.

— Теперь, значит, бачок,— сказал он, когда мы вышли на улицу.— Зайдем, пожалуй, на эту стройку.

Мы вошли на территорию стройки. На перевернутом ящике из-под раствора сидел лысый старик в очках и нюхал табак.

— Принеси бачок! — приказал мой спутник.

Старик чихнул и вытаращил на него голубые глаза.

— А ты кто такой будешь?

— Разговорчики!—нахмурился спутник.— И заверни в бумагу!

Старик вдруг вскочил с ящика и затрусил к складу. Когда он принес бачок, мой спутник строго спросил:

— Где ж ваш народ, интересно?

— А пиво пить подались. Сегодня ведь понедельник.

— Достукаетесь! — сказал спутник, взглянул на часы, и мы зашагали к воротам.

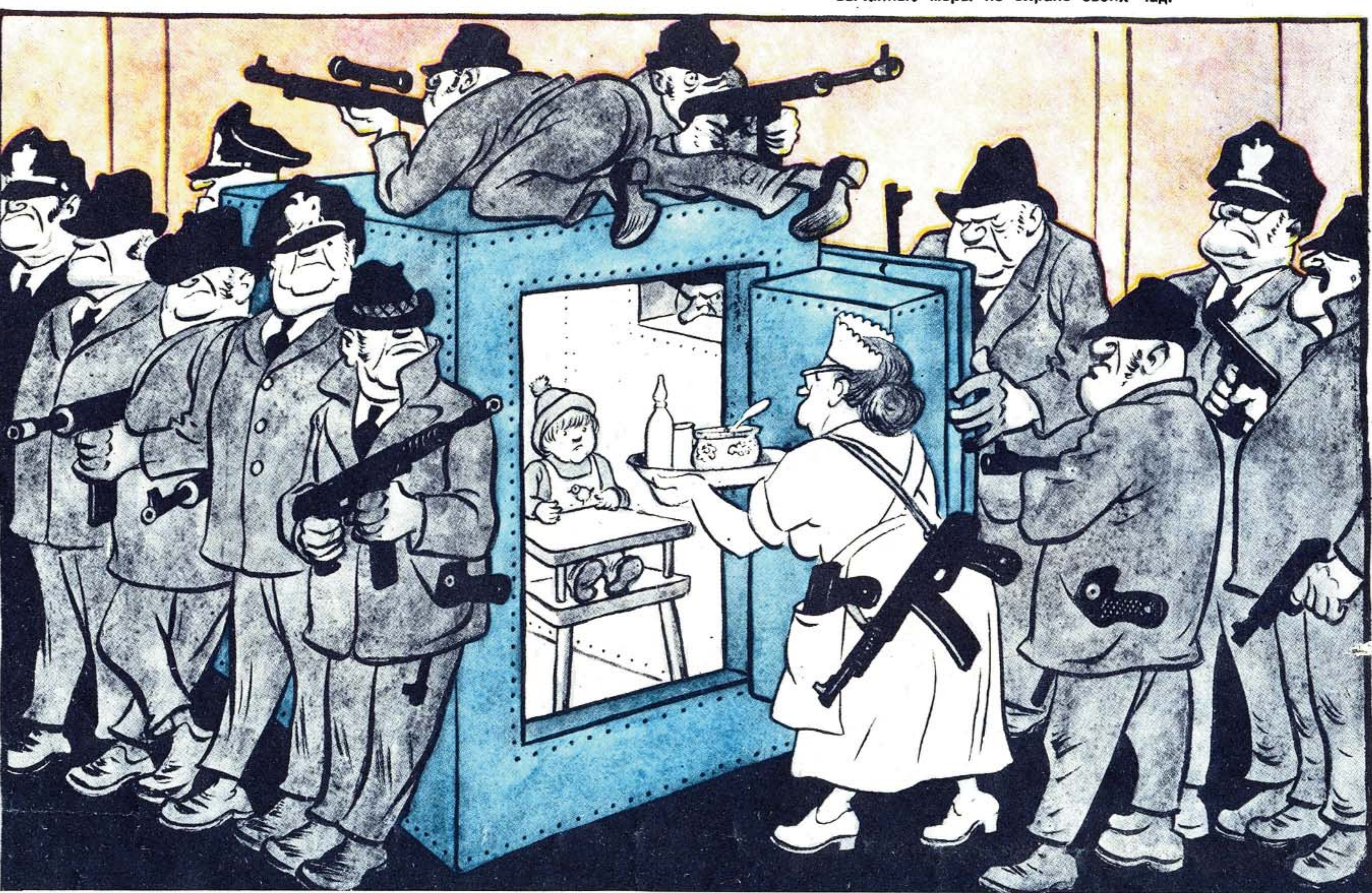
— Куда ж начальство смотрит? — спросил я.— Или тоже у палатки?

— Начальство — это я! — ответил он.

Я разинул рот.

— Понимаю, понимаю, — сказал он.— Веришь, каждый день собираюсь порядок навести, а все руки не доходят... С этой женщиной со второго этажа никак вопрос не решу, а тут еще племянника из института исключили. Сейчас надо к ректору успеть — дать приказ о восстановлении...

На Западе участились случаи похищения детей с целью получения выкупа. Состоятельные родители принимают чрезвычайные меры по охране своих чад.

— Время кормить ребенка!..

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Куда податься?

— Записал?

— Записал,— без особого энтузиазма протянул полицейский агент Эшби и положил на стол начальства портативную магнитофонную кассету.— Да только вроде промашка получилась, шеф, кажется, не те люди.

— То есть? — Начальство озаботилось.

— Информатор сообщил, что торговцы наркотиками встретятся в задней комнате винного подвальчика «У дядюшки Эндрю». Ну, я сунул за вентиляционную решетку микрофон, а сам отправился погулять по противоположной стороне улицы. Смотрю — к кабачку подкатывают длинные хорошие лимузины, оттуда выскакивают какие-то фигуры и—в подвальчик. Хотел сличить с фото — да где там, тьма, как в преисподней. Утром прослушал пленку и обмер. По-моему, шеф, я что-то перепутал, не тех записал...

Шеф сурово сдвинул брови и включил магнитофон. В кабинете послышались голоса.

— Господа! Кажется, все в сборе. Продолжаем нашу оттавскую сессию НАТО. Сегодня мы собрались здесь, а не во дворце, потому что нам предстоит обсудить особо деликатный пункт повестки дня — «Секретность и маскировка». Наши компьютеры констатировали: чем громче мы кричим о советской угрозе и чем чаще проводим военные маневры и заседания органов НАТО, тем больше нас повсюду осуждают. Мы, мол, идем не в ногу со временем, мы мешаем разрядке. Боюсь, что нам придется в некотором смысле уйти в подполье. Прошу, господа, высказываться...

— Позвольте мне, господин председатель... Благодарю... Господа, я горячо поддерживаю эту идею. Слишком много у нас театрального, бравурного, порой даже вызывающего. Возьмем маневры. Одни их названия настораживают. Уж больно они какие-то динамичные, гремучие, я бы сказал. То «Экспресс», то «Мощный экспресс», то «Воздушный мост». А название недавних маневров в Бискайском заливе просто угрожающее: «Бритекс-кемикс». Могут подумать, что мы спешно готовим химическую атаку. Названия по нынешним временам нужны спокойные, убаюкивающие. Сухопутные маневры можно, например, назвать «Белоснежка и 14 гномов», морские — «Забавы Нептуна», воздушные — «Полет бабочки» и так далее. А проводить маневры следует подальше от посторонних взоров, скажем, в Гренландии. Кстати, и штаб НАТО не худо было бы запрятать в Гренландию. Думаю, мы отлично разместимся в ста ярангах. Отдел по оживлению «холодной войны» может расположиться в иглу— доме из снежных кирпичей, там нетрудно будет создать бодрящую рабочую обстановку. Как смотрит Дания на гренландский вариант?

— Нет уж, благодарю вас, господин генерал. Вы, надеюсь, помните, как протестовали бельгийцы против перевода нашего штаба в Брюссель? Думаю, что датчане запротестуют сильнее. Нам и без того нет покоя, публика требует выйти из НАТО. Предлагаю проводить маневры на Аляске. Ей-богу, там не хуже, чем в Гренландии! Надеюсь, американский партнер окажет нам гостеприимство?

— Не вижу никакой необходимости и возможности. На Аляске уже проводят большие маневры наши нефтяные компании. Уж если говорить об арктических плацдармах, то лучше обратить взор к просторам Северной Канады...

— Нет уж увольте, дорогой сосед! Не подкладывайте нам свинью.

— Вы называете штаб НАТО свиньей?

— Упаси бог! Это означало бы, что мы с вами в одном свинарнике. Давайте уж лучше переведем натовские службы максимально далеко от всех этих протестов и демонстраций. На Луну, скажем, а?

— Хм, а что?! Идеальное место в смысле удаленности от общественного мнения. Вот только, к сожалению, военные объекты согласно известному вам договору туда доставлять запрещено... Но заседания штабов там проводить можно.

— А русско-американский космический полет по проекту «Союз» — «Аполлон» забыли? Представляете, какой будет конфуз, если Леонов и Стаффорд со своей орбиты заметят в лунном кратере всю нашу компанию?

— Так чего же вы лезете с Луной? Заладили: «На Луну, на Луну»... Лунатик вы эдакий!

— Господа, господа! Я же просил не накалять обстановку!..

...На этом магнитофонная лента кончилась.

— М-да, Эшби.— Шеф покачал головой.—Судьба вашего носа внушает мне некоторые опасения. Боюсь, что вы высунули его далеко за пределы вашей компетенции. Срочно размагнитьте пленку. Только эту,— шеф постучал кассетой по столу,— именно эту пленку, а не какую-нибудь другую, с песенками Фрэнка Синатры. Надеюсь, хоть на этот раз вы не перепутаете?

— Нет,— сказал растяпа Эшби и... перепутал.

Доставил кассету в редакцию «Крокодила»

Ник. ШИММЕЛЬ.

ШАМПАНСКОЕ ОТ ГОСПОДИНА ПОСЛА

Дипломатия — искусство возможного, утверждают сами дипломаты.

Честно говоря, я так до конца не постиг всей глубинной мудрости этого выражения, хотя уже много лет потихонечку его обмозговываю. Почему только дипломатия? А манную кашу сварить — разве это не искусство возможного? Ведь она, возможно, убежит в процессе варки, а возможно, пригорит, а возможно, получится на диво, так что пальчики оближешь, особенно если с изюмом да с маслицем...

Ну ладно, шут с ней, с кашей, а то от письменного стола к плите тянет. Вернемся к дипломатам. Это ведь они придумали изречение насчет искусства возможного и украсили им свою профессию, а кашевары не додумались, вот и все.

Недавно я все-таки, кажется, постиг смысл этого загадочного изречения. Помог новый американский посол в Камбодже Джон Гантер Дин. Точнее, не сам посол, а газета «Нью-Йорк таймс», описавшая его хитрую, прямо-таки новаторскую тактику.

Оказывается, новый американский посол в Камбодже полковник Джон Гантер Дин, отличающийся изысканностью обаятельного миротворца, носится по стране, делая выговоры генералам, обхаживая лидеров оппозиции и разыскивая — пока тщетно — каких-либо партизан, которые были бы готовы вести переговоры.

За 10 недель, прошедших с его приезда в Камбоджу, он похудел на 15 фунтов — в основном, очевидно, из-за тщетных попыток привести правительство в порядок.

Мы узнали из американской газеты, что миротворца Дина устраивает отнюдь не любой мир, а такой мир, при котором уцелеет продажное и никчемное правительство маршала Лон Нола. И ради этой цели Джон Гантер Дин пускает в ход все доступное ему искусство возможного и даже невозможного.

Ну, например, рассказывают, что во время осады партизанами Прейвенга, главного города провинции, расположенного в 30 милях к востоку от Пномпеня, он прилетел в город и пообещал господам офицерам ящик шампанского, если они удержат город. Они удержали город, и шампанское было послано.

Господин посол, конечно, постарается развить и внедрить в жизнь так удачно нащупанный им метод.

Зачем, скажем, ограничиваться одним шампанским? Почему бы не пообещать карательному отряду букет лилий за удачное сожжение мирной деревушки? Факельщики будут растроганы до слез. Или даровать взводу автоматчиков за успешную контратаку смокинг с посольского плеча. Или носки с надушенной записочкой: «Чтоб никогда не сверкали пятки. Любящий вас Джон Гантер Дин».

Но что говорить — спиртное, конечно, куда эффективнее, чем всякие там цветочки да носочки с записочками.

— Партизаны прорвались по дороге номер семь? Выставляю батарею виски «Длинный Джон»! Огонь!

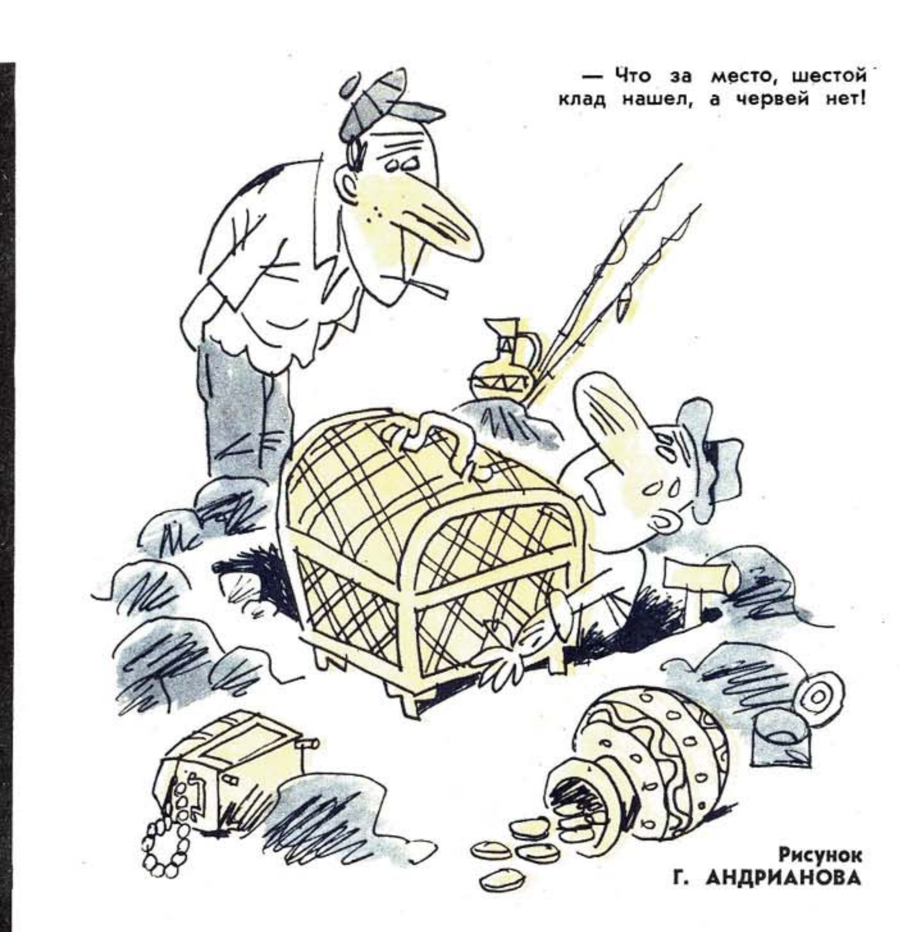
Звучит! Стимулирует, черт возьми!

Так и раскрылся наконец смысл выражения «Дипломатия — искусство возможного».

Тут одно только беспокоит — не заварил бы посол кашу на манер вьетнамской...

Будем надеяться, что это за пределами его возможностей.

М. ВИЛЕНСКИЙ.

— Что за место, шестой клад нашел, а червей нет!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

«Женщины, это для вас!
Губная помада красит не только губы, она красит любое женское лицо».

Газета «Магнитогорский рабочий».

«Среди экспонатов был и филателист из Омска».

Газета «Омская правда».

«Вы слушали пятую главу неоконченного романа Пушкина «Арап Петра Великого».
Окончание романа вы можете послушать в пятницу, 17 мая, в это же время».

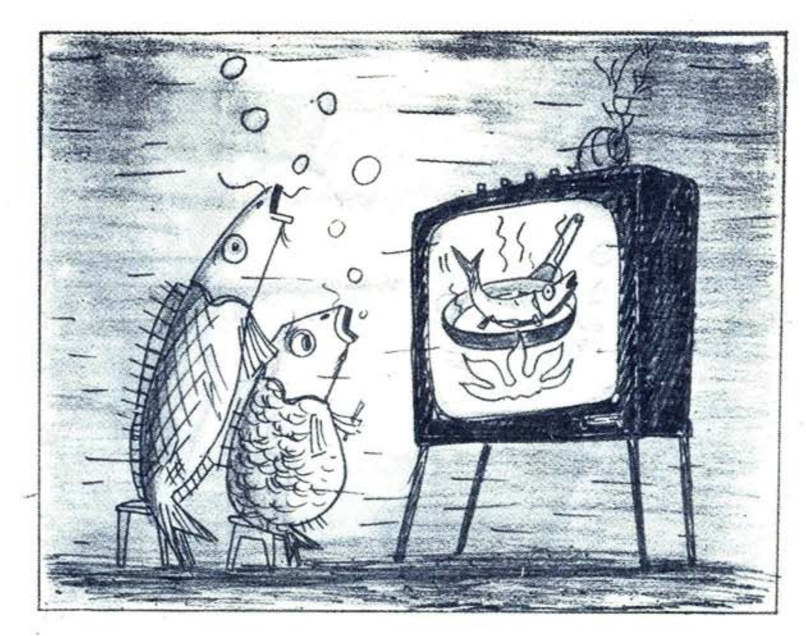
(Из радиопередачи).
Прислал С. Нестеровский, Московская область.

Текстильно-швейный комбинат имени КАЛИНИНА
Языково, Ульяновской обл.
Наим. одеяло „Забава“
Артик. № 48178

Прислал И. Иванов, г. Свердловск.

К СВЕДЕНИЮ!
С 1 июня 1974 г. дирекция новостроящегося молочного комбината подлежит ликвидации.

Газета «Коммунист», г. Ереван.

— Не люблю я эти фильмы ужасов!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

На ловца и зверь бежит

Краснова, не учащаяся и не трудящаяся, стучится в незнакомую квартиру.

— Я из горэлектросети, — представляется она.— Покажите вашу расчетную книжку. Много задолжали за электроэнергию?

— Упаси господь! — пугается хозяйка Новикова.— Платим исправно.— И идет скорее искать книжку.

Пока потребитель, волнуясь и пыхтя, ищет оправдательные документы, «представитель» горэлектросети ищет, чем поживиться. Запихивает за пазуху два платья и дамскую сумку с вещами и ждет возвращения хозяйки. Долго и придирчиво изучает принесенную книжку.

— Что ж, хвалю. Будьте и впредь аккуратны,— говорит Краснова и идет проверять другую квартиру.

Тут ее встречает хозяйка Мельникова.

— Здрасьте,— говорит Краснова.— Я из горэлектросети. Ну-ка, похвастайтесь, как вы платите за электроэнергию. Сильно задолжали?

— Что вы, что вы! — смущается хозяйка. — Как можно! — Тушуясь и краснея, семенит она за жировкой.

Пока хозяйка копается в комоде, гостья шарит в передней.

— Вот, смотрите! — подбегает с книжкой возбужденная хозяйка.— Мы не какие-то там малосознательные элементы. Мы идем с опережением графика.

— Вижу,— успокаивает ее Краснова.— Вам сознательности у меня не занимать. Только не зазнавайтесь, пожалуйста. Проверю. — И спешит к очередному потребителю.

В квартире гражданки Горловой она незаметно кладет в карман хозяйкин кошелек и назидательно говорит:

— Прошу с оплатой не задерживаться, а то отключим.

И идет проверять дальше.

На этот раз дверь ей открывает мужчина.

— Я представитель горэлектросети,— говорит Краснова привычно.— Предъявите, гражданин, вашу расчетную книжку. Небось, и забыли, когда последний раз внесли плату.

— Никак нет! — возражает хозяин Пашкин.— Помню.

Изучив придирчиво документы Пашкина, Краснова возвращает их обратно и говорит снисходительно:

— Что ж, Пашкин, правду вы мне сказали. Сознательный вы.

— Чего не скажешь о вас,— замечает хозяин.

— Откуда вы знаете?..

— Должность у меня такая,— отвечает тот.— Я ведь работник милиции.— Он предъявляет удостоверение сотрудника районного отдела внутренних дел.— Знал, что встретимся, но не думал, что вы меня сами найдете. Такое может только сниться нашему брату.

От слабости Краснова опускается на порог.

— Садиться будете потом,— говорит Пашкин, потребитель электроэнергии и работник милиции.

Р. САРИМОВ.
г. Рязань.

Мих. ЛЬВОВСКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

Деревенский детектив

Было раннее утро. Заведующая третьим магазином Петропавловского сельпо Елена Павловна Яценко приблизилась к своей «точке» и ахнула.

— Не кажется ли вам,— обратилась она к прохожему, оказавшемуся, естественно, дедом Архипом,— что двери взломаны?

— Именно,— подтвердил дед Архип.— Никак, милая, обчистили магазин-то!

Переступив порог, Яценко обнаружила, что кто-то уволок десять бутылок имбирной водки, закуску, два-три костюма и... сейф весом 127 килограммов.

Тут самое время кликнуть милиционера Анискина и начать запутывать читателя, заставляя его поочередно подозревать мудрого деда, заведующую магазином, их далеких сродственников и самого автора фельетона. Но, клянусь, мы тут совершенно ни при чем.

Однажды судимый ранее сельский житель Николай Ткаченко зашел в магазин и увидел восхитительный напиток — имбирную водку. Тут же ему бросилось в глаза, что Яценко, завмаг, считала дензнаки...

Дальнейшие события развивались так. В десять часов вечера абориген Ткаченко подошел к магазину. Здесь он хладнокровно и не спеша:

Спустился в кочегарку, добыл лом, сорвал запор.

Попытался взломать сейф, но не тут-то было.

Побрел на соседний завод, где, по слухам, имелась большая тачка.

Взял тачку, возвратился в магазин, погрузил все, включая бронированный сейф и, проследовав по трем людным улицам и двум переулкам, благополучно доставил добычу на завод.

Проник в электросварочную мастерскую, нашел резак, разрезал сейф и извлек дензнаки.

Остатки сейфа свез к речке Бык, утопил в пучине.

Вернулся на завод за поклажей...

Детектив занятный! У народного суда он даже пробудил кое-какие вопросы, запечатленные в ряде частных определений. Почему подсчитывали выручку в присутствии посторонних, отчего ранее судимый нигде не работал, почему поставили хилые запоры? И т. д.

У нас же с вами может возникнуть и еще один естественный вопрос: где был сторож?

И тут выясняется: не было сторожа. И не то, чтобы он где-то околачивался, нет, он просто отсутствовал, не числился в штатном расписании.

Штатное расписание не взлюбило сторожа, отнеся его к управленческому персоналу. Когда потребсоюзу спустили задание на сокращение управленцев, выяснилось, что один обладатель тулупа эквивалентен одной секретарше или даже одному главному буху. И на алтарь легли сторожа...

В системе потребительской кооперации Днепропетровской области, например, их количество за последние три года упало примерно в пять раз. Факт, который можно было бы только приветствовать. Тем более что некоторые сатирики иступили перья, рисуя храпящего сторожа.

Но, кроме сатирической функции, сторож выполняет и кое-какие другие. Да, он не производит материальных ценностей. Однако он их оберегает. Кто же нынче возьмет на себя эту заботу?

Как кто? По идее, кибернетика и телемеханика. Охранно-пожарная сигнализация, ОПС.

Хочется сказать словами романса: о, если б навеки так было! Но так не бывает. Вы можете объехать два-три десятка сел и нигде не встретить желанную ОПС. Правда, несколько передовых председателей райпотребсоюзов отважились: заключили договоры с монтажным управлением (МУ). Но когда посланцы МУ прибывают для воплощения договора в автоматическую систему, председатели меняются в лице и малодушно умоляют: «Не будем!»

Так было в Синельникове, где на рыночной площади соорудили великолепный торговый центр из пяти магазинов. Так было в Апостолове, где построили не менее великолепныйраймаг. На все хватило средств и доброго расположения — на стекло, пластмассу, никель, модный интерьер, а на сигнализацию как раз не хватило.

У работников кооперации выработался стойкий иммунитет к охране. И зиждется он — вы не поверите!—на рубле! Кто-то будто бы подсчитал, что если все будет идти нормально, среднестатистически, то за год в районе похитят товаров, скажем, на 7 000 рублей. А если призвать службу ОПС, то это, возможно, будет стоить и дороже...

Отсюда вывод: «Не будем!». Не надо-де нам никакой автоматики и телемеханики. Не надо и никаких сторожей. Ибо еще неизвестно, что выгодней — чтобы воры воровали или сторожа сторожили.

Вот такой оригинальный подход. И он вору на руку.

Из Чкаловского сельпо шлют известие: «Сообщаем, что в ночь на 4 апреля была совершена кража обуви, часов, рубашек и пр. на сумму около 1 000 рублей. Объект неохраняем...».

Из Мусиевки докладывают, что там похищено бакалеи на 400 рублей. Объект неохраняем.

Из Красногригорьевки сигнализируют, что тип, которому захотелось опохмелиться, забрался ночью в столовую, где опорожнил две пол-литры и закусил чем бог послал — всего на сумму 15 рублей...

Так, вопреки среднестатистическому закону об экономии количество краж растет, а вместе с тем, естественно, растет и сумма убытков.

Днепропетровская область.

Борис Савельевич ЛАСКИН
(к 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Юрий БЛАГОВ

МЕЛКИЕ ДРЕБЕЗГИ

Каждому — свое

В жюри, на конкурсе любом
Терзания не шуточные:
Кому — медаль, кому — диплом,
Кому — одни лишь суточные.

Возрастное

Не такой уж я и старый,
А совсем не тянет все ж
Видеть Гамлета с гитарой
И «Катюшу» в брюках-клеш.

Футбольные страсти

Забил в ворота мяч игрок,
И вмиг его собратья
Героя всей командой — чмок,
Сграбастали в объятья,
И ну — плясать, и ну —
визжать,
Как детки-малолетки...
А впрочем, можно их понять:
Голы-то нынче редки!

Берегите мужчин!

Страдает рыцарь песенный
не очень-то,
Он странствовать стремится
налегке;
Мол, «ты пиши мне письма
мелким почерком,
Поскольку места мало
в рюкзаке».

И, верно!.. Вдруг пути не будет
ровного!
Таксисты же отсутствуют
в глуши...
О, девушка! Не мучай
малокровного
И, если любишь, вовсе не пиши!

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Таге ДАНИЕЛЬССОН
(Швеция)

Интервью с футболистом

Спортивный обозреватель:

— Ну что вы можете сказать об этом матче? Как же все-таки получилось, что нашу сборную так здорово расколошматили?

Футболист:

— Да... Знаете, прежде всего следует отметить, что нас очень неудачно разместили в гостинице. Матрацы были слишком мягкие, да и тишина была какая-то подозрительная. Потом публика здесь, можно сказать, не наша, а вы сами понимаете, как раздражает, когда тебе кричат много такого, чего ты не разбираешь. Можно догадаться, что ничего лестного.

К тому же бутсы у меня немного жмут, в особенности левая, а левая нога у меня как раз самая сильная и есть. Так что будь у меня левая бутса немного посвободнее, я бы им всем показал! Да и вообще еще неизвестно, действительно ли мы в конце концов проиграли, потому что по крайней мере четыре гола, забитые нам, выглядели весьма сомнительными с того места, где я стоял. То есть бежал, я хотел сказать.

Кстати, я уже неоднократно указывал нашему руководству, что в такое время давать нам завтрак цветную капусту никак нельзя. Дома еще куда ни шло, а вот здесь цветная капуста совершенно недопустима.

Потом мне показалось, что трава на стадионе несколько больше клонилась в нашу сторону, а в таких условиях, ясное дело, играть в нападении гораздо сложнее.

И потом — надо же! В перерыве звонит жена нашего атакующего полузащитника и заявляет, что у него, мол, футболка из трусов вылезла, она с детьми увидела это по телевизору, а для них такая неряшливость — плохой пример. Бедняга, разумеется, страшно расстроился, и наша полузащита, можно сказать, потеряла свой стержень.

— А нападение?

— Нападение? Понимаете, здесь стадион расположен не так, как дома, поэтому наши форварды теряли ориентировку и не могли определить, где ворота противника.

В довершение всего погода была большей частью хорошая. Противнику, конечно, это было на руку, а мы лучше всего играем во время густого тумана, когда даже мяча не видно.

И потом, нас было в команде одиннадцать, а для нас это самое что ни на есть несчастливое число.

Прибавьте к этому, что из-за требований моды мы отпустили длинные шевелюры и волосы попадали в глаза в самые решающие моменты, и вы поймете, почему мы проиграли, хотя бы... гораздо сильнее противника.

Перевела З. БУЛОВСКАЯ.

— Наверное, они спрашивают, где Эйфелева башня.

«Фигаро», Франция.

По пустыне еле тащится человек в ластах и маске. Навстречу ему путник. Когда они поравнялись, человек в маске спрашивает:

— Скажите, далеко еще до моря?

— Километров этак четыреста.

— Ничего себе пляжик отгрохали!

●

— Господин начальник тюрьмы! Мой отец всегда был для меня примером. Нельзя ли поместить меня в его любимую камеру?

«Адвертайзер», Австралия.

Семнадцатилетний Жан все время выпрашивает у отца деньги на карманные расходы.

— Послушай, сынок,— говорит отец,— в жизни есть вещи поважнее денег...

— Знаю, папа. Но когда я эти важные вещи веду танцевать, это стоит денег...

●

Дама долго копается в сумочке, потом с очаровательной улыбкой говорит полицейскому, остановившему машину, за рулем которой она сидела:

— Прошу вас, мсье, посмотрите, где мои права. Без очков я не вижу дальше своего носа.

●

Звонок в дверь. Хозяйка открывает дверь и видит мужчину, который говорит заплетающимся голосом:

— Мммм-ойщика окон не ввввызывали?

— Да, прошу вас.

Через несколько минут опять раздается звонок, и человек в дверях говорит:

— Ммм-мойщика окон не ввввызывали?.

— Да, прошу вас,— говорит хозяйка,— там, кстати, уже один ваш коллега работает.

— Дд-да ннн-нет,— пошатываясь, отвечает человек.— Это я выпал из окна.

Христо ПЕЛИТЕВ (Болгария)

ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ

Узкие двери

Одному человеку надо было уладить небольшое дельце. Отправившись к начальнику, он захватил на противне жареного барашка. Но, очутившись перед дверью начальника, понял, что противень слишком велик и ему не протиснуться с ним в дверь. Тогда он крикнул из-за дверей:

— Товарищ начальник, я тут приготовил для вас барашка, да противень слишком велик, никак не могу внести его к вам.

— Это не противень велик, а двери моего кабинета слишком узки,— изрек начальник и тут же вызвал мастера, чтобы расширить двери.

Почему он встает раньше всех

Жена одного человека любила поспать, а он сам вставал раньше всех в селе. Соседи удивлялись такой постановке дел в семействе. Наконец один из них не выдержал и спросил:

— Сосед, почему жена твоя все время спит, а ты встаешь раньше всех в селе?

— Жена моя имеет полное право спать.

— Это отчего же?

— Да ведь она-то бодрствовала, когда выходила за меня замуж, так что теперь может спать, а я спал, когда женился на ней, вот теперь и встаю раньше всех в селе...

Зачем приветствовать?

Однажды начальник спросил своего подчиненного:

— Ты почему проходишь мимо и не приветствуешь меня?

— А почему я должен тебя приветствовать?

— Потому что я начальник и могу и тебя сделать начальником!

— Но если ты сделаешь меня начальником, зачем же мне тогда надо будет тебя приветствовать?

— Хотя бы затем, что я могу тебя рекомендовать и тебя сделают начальником еще большим, чем я!

— Еще лучше! Тогда уж ты будешь меня приветствовать...

— Да, но я могу тебя уволить отсюда и ты не станешь никаким начальником...

— Вот поэтому-то я тебя и не приветствую!

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

Слова, слова...

С тех пор как женщины уравнены в правах с мужчинами, выйти замуж стало легче, а жениться труднее.

М. Ген, американский социолог.

Не льсти начальнику в его отсутствие: всегда найдутся люди, которые исказят твою лесть.

Жан-Поль Дюплесси, французский юморист.

Темнота тоже распространяется со скоростью света.

Лаза Довникович, югославский юморист.

Он был счастлив. К сожалению, так и не нашлось никого, кто бы дал ему знать об этом.

Ему улыбнулась судьба. Потом выяснилось, что это была ироническая улыбка.

Гораций Сафрин, польский писатель.

— Нас за столом тринадцать. Может быть, вы придете в следующий раз?

«Актуэльт», Норвегия.

— Видимо, на этой планете жизнь только начинается.

«Квик», ФРГ.

— Альберт, ты теперь не так хорошо одет, как тогда, когда мы поженились.

— Ошибаешься, дорогая, на мне тот же самый костюм, что был в день свадьбы, двадцать лет назад.

●

— Как, по-твоему, кто умнее: мужчины или женщины?

— Конечно, женщины. Разве ты видел когда-нибудь женщину, которая вышла бы замуж только потому, что у ее избранника красивые ноги?

●

Один хулиган преследует четверых мужчин.

— Что же вы убегаете,— спрашивает их встречная старушка,— ведь он один, а вас четверо?

— Да, но мы не знаем, за кем из нас он гонится!

●

— Посоветуйте, что мне взять на обед,— обращается посетитель к официанту.

— Как вам сказать? Меньше всего сегодня жалуются на бифштекс.

— Говорите только «а», святой отец, а не «аминь»!

«Эспрессо», Италия.

КРОКОДИЛ

№ 21 (2103)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, В. Альтшулер, М. Битный, М. Вайсборд, В. Жаринов, Е. Милутка, И. Сычев, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов, И. Шинов, В. Шкарбан.

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14
ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор
Г. И. ОГОРОДНИКОВ

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 8/VII 1974 г. А 01433. Подписано к печати 18/VII 1974 г. Формат бумаги 70×108$^{1}/_{8}$. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24.

Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», гор. Свердловск, проспект Ленина, 49.

Тираж 5650 000 (5 завод 4 452 851—5 650 000), заказ № 1381